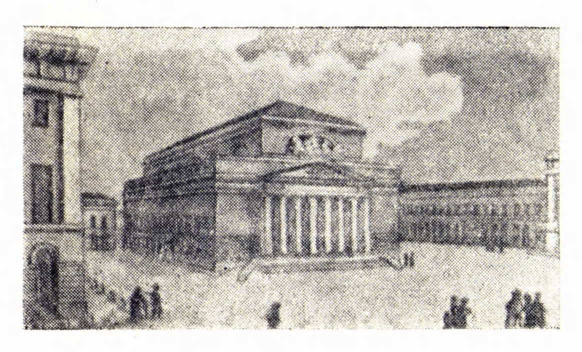
Н. И. МИХАЙЛОВА

„Парнасский мой отец“

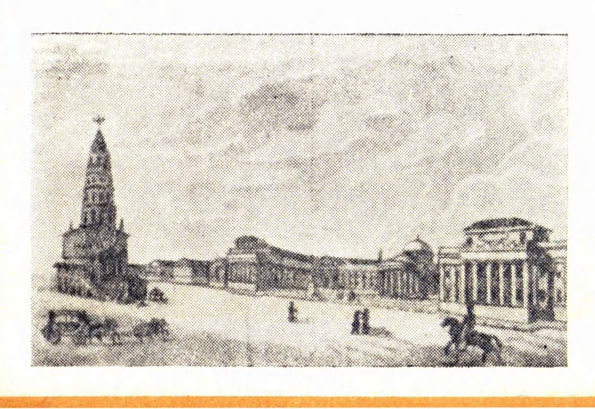

Вид Ивана Великого

Вид Петровского театра.

Вид Сухаревой башни.

Н. И. МИХАЙЛОВА

«Парнасский мой отец»

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1983

8Р1
М69

Рецензент кандидат филологических наук *А. А. Илюшин*

Художник *В. В. Кошмин*

$М\frac{4603010102—041}{М\text{-}105(03)83}68—83$

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предисловии к одному из американских изданий «Евгения Онегина» говорится, что это роман с несчастной любовью, дуэлью, сном и двумя письмами.

Представляя нашу книгу читателю, мы также могли бы сказать, что это жизнеописание, в котором есть путешествия, Наполеон, любовь, пожар, война и холера. И все это было бы правдой, потому что Василий Львович Пушкин в начале прошлого века совершил заграничное путешествие, во Франции представлялся Наполеону; он полюбил крестьянку, бывшую крепостную, и из-за нее с большим скандалом развелся с красавицей женой; во время войны 1812 года бежал из пылающей Москвы и, наконец, умер в 1830 году — в год страшной холеры.

Но не это главное, и не из-за этого написана о нем книга.

Василий Львович Пушкин — дядя великого Пушки-

на. С ним связано детство Александра Пушкина, его ранние впечатления московской жизни, первая поездка в Петербург, вступительные экзамены в Лицей. С ним связаны первые шаги юного поэта в поэзии. И не только потому, что дядя доставлял сочинения племянника-лицеиста в журналы: Василий Львович был известным стихотворцем, и Александр Пушкин не случайно называл его своим «парнасским отцом».

Однако здесь важны не столько биографические факты — они большей частью известны и лежат на поверхности,— сколько сама личность Василия Львовича Пушкина, просвещенного путешественника, страстного театрала, увлеченного библиофила, по-своему уникального человека, поставленного по воле случая на перекрестке многих исторических и литературных судеб, поэта, за колоритной фигурой которого возникает история, быт и литература пушкинского времени. И еще здесь важна та атмосфера безграничной доброжелательности к людям и бескорыстной любви к поэзии, которую сумел создать вокруг себя дядя великого поэта. Обо всем этом мы и попытались рассказать.

Поставленная задача заставила нас обратиться к произведениям Василия Львовича Пушкина и современных ему писателей, к многочисленным опубликованным, но разрозненным документальным материалам, а также к неизвестным еще письмам, дневникам, мемуарам, хранящимся в архивах. Собранные материалы дали возможность воскресить литературные споры прошлого века, узнать о взаимоотношениях русских литераторов, увидеть их в кругу дружеского общения. Часто мы не могли удержаться от соблазна цитирования — но это лишь потому, что, как нам казалось, читателю

интереснее услышать живые голоса писателей прошлого, нежели ознакомиться с их словами в нашем пересказе. Собрание Государственного музея А. С. Пушкина позволило показать портреты дяди и племянника, старинные гравюры, изображающие Москву пушкинского времени, модные картинки и офорты из редкого сейчас издания XIX века — журнала «Волшебный фонарь», где представлены городские типы — разносчики, торговки, кучера, дворники. Модные картинки сопровождаются стихами В. Л. Пушкина, А. С. Пушкина и поэтов их круга, отдавших дань «легкой» поэзии. В приложении помещены портреты А. С. Пушкина, И. И. Дмитриева, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского и их стихотворения, посвященные В. Л. Пушкину. Разумеется, многое не вошло в книгу: это отчасти объясняется ее жанром — перед вами не монография, а цикл очерков, в котором мы сочли возможным предложить вниманию читателей некоторые гипотезы, привести представляющиеся нам интересными архивные материалы, объединить анализ произведений Василия Львовича Пушкина с рассказом о его жизни, его эпохе, его взаимоотношениях с племянником.

Что еще добавить к сказанному? Разве что привести высказывание Достоевского:

«Ну вот и все предисловие. Я совершенно согласен, что оно лишнее, но так как оно уже написано, то пусть и останется.

А теперь к делу».

«МОЙ БРАТ ДВОЮРОДНЫЙ БУЯНОВ»

I
ГЛАВА

В романе «Евгений Онегин» на балу у Лариных в толпе гостей, где мелькают рыжий парик мосье Трике и седые головы Скотининых, где

Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков[1],

соседствует с отставным советником Фляновым, Панфилом Харликовым, толстым Пустяковым и его дородной супругой, где ротный командир —

Созревших барышен кумир,
Уездных матушек отрада —

соперничает с уездным франтиком Петушковым, появляется еще один гость. Пушкин представляет его так:

Мой брат двоюродный, Буянов
В пуху, в картузе с козырьком[35]
(Как вам конечно он знаком).

Внимательный читатель, заметив цифру «35»,— а она поставлена Пушкиным,— заглянет в авторские примечания и там прочтет:

Буянов, мой сосед,
. . . .

Красная площадь.

Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком.
(*«Опасный сосед»*)

Однако нашему современнику к примечанию Пушкина нужны дополнительные пояснения. Что за произведение «Опасный сосед»? Кто его автор? И кто такой его герой Буянов? И почему Пушкин называет Буянова своим двоюродным братом?

«Буянов — герой шуточной поэмы Василия Львовича Пушкина «Опасный сосед». Пушкин шутя называл Буянова своим двоюродным братом, так как «отцом», то есть автором этой поэмы, был его дядя»[2], — эти сведения из комментария пушкиниста С. М. Бонди к «Евгению Онегину» послужат исходной точкой в нашем путешествии, которое и поможет понять, что же все-таки скрывается за шутливыми пушкинскими строками.

Вид Арсенала и Оружейной палаты.

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд...

А. Пушкин

Прежде всего обратим внимание на одну подробность, которая пока оставалась нами незамеченной. «Как вам конечно он знаком» — эти слова о Буянове не случайны и, как всегда у А. С. Пушкина, очень точны. Буянова хорошо знала читающая публика прошлого века. Если сегодня поэма В. Л. Пушкина, вышедшая последний раз отдельным изданием в 1922 году, известна больше по названию, то в 1811 году ее появление было событием, запомнившимся надолго. Об «Опасном соседе» говорили и спорили, его литературные достоинства были признаны не только друзьями, но и врагами сочинителя; «Опасного соседа» цитировали в разговорах и письмах, его упоминали в дневниках, а спустя много лет — и в мемуарах; о нем писали в статьях и стихотворениях. В печати первым это сделал племянник В. Л. Пушкина. В 1815 году в стихотворении «Городок» юный лицеист обращался к дяде:

И ты, замысловатый
Буянова певец,

В картинах толь богатый
И вкуса образец.

Без преувеличения можно сказать, что «Опасный сосед» был настоящей литературной сенсацией. Поэтому тем интереснее обратиться к этому теперь забытому, а ранее чрезвычайно популярному произведению, перелистать его страницы, разгадать секрет успеха поэмы, написанной В. Л. Пушкиным с небрежной легкостью. И еще попытаться увидеть за текстом «Опасного соседа» живую жизнь прошлого века, освященного для нас именем А. С. Пушкина.

Итак — «Опасный сосед».

Сначала — о сюжете. Он прост и оригинален. Его можно назвать своего рода минус-сюжетом — и уже в этом сказались изобретательность и остроумие автора.

В. Л. Пушкин рассказал о своей поездке с соседом Буяновым в веселый дом к блудницам. Читатель ждет соблазнительного описания — «свет в черепке погас и близок был сундук»,— но неожиданно Буянов затевает драку, на шум приходит полицейский, и поэт спешит убежать из притона. Вот и все. И все это — в стремительном, захватывающем действии.

Но достоинства поэмы не только в искусном сюжетном построении.

Теперь, когда мы познакомились с сюжетом «Опасного соседа», начнем читать поэму сначала, вглядываясь в ее героев, обстановку, отдельные детали.

В самом начале повествования появляется Буянов, сосед поэта,

Имение свое проживший в восемь лет
С цыганками, с <...>, в трактирах с плясунами[3],

Буянов, от которого тотчас же «понесло повсюду кабаком», хвалится славными рысаками: «Тебя на масленой я лихо прокачу». Потом, с улыбкой ударив поэта по плечу, зовет его к красотке в веселый дом: «Ступай со мной; качнем!»

В том, как охарактеризован герой В. Л. Пушкина, в том, что он говорит и как говорит,— что-то очень знакомое.

Торговка и щеголек

Пирожник

«Таких людей приходилось всякому встречать не мало. Они называются разбитными малыми, слывут еще в детстве и в школе за хороших товарищей, и при всем том бывают весьма больно поколачиваемы. В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе: ты. Дружбу заведут, кажется, навек; но всегда почти так случается, что подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный»[4] — так на-

пишет спустя почти тридцать лет Гоголь, представляя своего Ноздрева. Но эти же слова можно отнести и к Буянову, своеобразному литературному прототипу гоголевского героя. Как и Ноздрев, Буянов весел, задирист и красноречив. Как Ноздрев убеждает в конце концов Чичикова поехать к нему в гости, так и Буянов уговаривает поэта устремиться к любовным приключениям. И вот уже они садятся в обшивни.

Пустился дым густой из пламенных ноздрей
По улицам, как вихрь, несущихся коней;
Кузнецкий мост и вал, Арбат и Поварская...

Конечно, это еще не пушкинское:

Возок несется чрез ухабы,
Мелькают мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари...

Но и в поэме дяди — энергия движения, стремительность, полет.

Возок Татьяны Лариной въезжал в Москву — от застав, мимо монастырей и садов к центру столицы, где

Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

Обшивни Буянова несутся из центра к окраине: кони скачут через Кузнецкий мост, мимо расположенных там модных лавок и мастерских, через вал — Тверской и Никитский бульвары — излюбленное место прогулок москвичей, через Арбат и Поварскую, которая выводила к Кудрину и Новинскому,— здесь кончался город и начинался пригород.

«Приехали»,— сказал извозчик, огряхаясь.
Домишко, как тростник, от ветра колыхаясь,
С калиткой на крюку представился очам.

А дальше мы видим живописную жанровую сцену. Каморка служит гостиной. На столе стоят пунш, пиво и табак, на скамейке — урыльник, самовар и чашки. Купец и дьячок играют в карты. Сводня Панкратьевна, «вся провонявшая и чесноком и водкой», сидит рядом с красоткой Варюшкой. Здесь же веселятся две другие дюжие гостьи. Кривой лакей подает им кофе. Готовая к услугам, «безносая стоит кухарка в душегрейке».

Современники В. Л. Пушкина недаром видели в «Опасном соседе» «Гогартов оригинал, с которого копию снять невозможно»[5]. В самом деле сближение поэмы В. Л. Пушкина с сериями картин и гравюр выдающегося английского художника XVIII века Уильяма Хогарта напрашивается как бы само собой. У создателя «Опасного соседа» — тот же зоркий взгляд реалиста-сатирика, живописность и точность бытовой детали, меткость портретных характеристик.

Любопытно, что У. Хогарт называл себя не художником, а драматическим автором. Его серии всегда объединялись литературным сюжетом, который развивался от одной гравюры к другой, получая в последней логическое завершение. Так, например, в серии «Карьера расточителя», состоящей из восьми гравюр, художник показал историю мота: притоны и игорные дома довели его в конце концов до тюрьмы и сумасшедшего дома.

В. Л. Пушкин, как и У. Хогарт, изображает одну живописную сцену за другой. Его поэма также своеобразная серия картин.

Если ж я и суетою
Сам был света обольщен, —
Признаюся, красотою
Быв плененным, пел и жен.

Г. Державин

С приходом Буянова спокойствие нарушено:

Панкратьевна, садись! Целуй меня, Варюшка!
Дай пуншу, пей, дьячок!— И началась пирушка!

В следующей сцене поэта увлекает за собой одна из гостий. Они поднимаются по высокой крючковатой лестнице в светлицу. Поэт успевает описать интерьер: огарок в черепке освещает «сундук засаленный, периною покрытый», обитый рогожей пол, «рубашки на шестах, два медные таза». Далее следует великолепная, динамичная сцена драки. Читая ее, вспоминаешь не только У. Хогарта, но и фламандских мастеров, жанровые картинки Питера Брейгеля.

Но что за шум? Кричат! Несется вопль в светлицу.
Прелестница моя, накинув исподницу,
От страха босиком по лестнице бежит;
Я вслед за ней... Весь дом колеблется, дрожит.
О ужас! Мой сосед, могучею рукою
К стене прижав дьячка, тузит купца другою,
Панкратьевна в крови; подсвечники летят,

И стулья на полу ногами вверх лежат.
Варюшка пьяная бранится непристойно;
Один кривой лакей стоит в углу спокойно
И, нюхая табак, с почтеньем ждет конца.

Расплата тотчас же настигает Буянова — входит полицейский.

И последняя сцена — бегство поэта, оставившего в светлице часы и кошелек (выразительная подробность), перепрыгивающего «чрез бревна, кирпичи, чрез полный смрада ток» (в этом — тоже быт московской окраины), бросающего свою шинель на съедение стае косматых псов.

В. Л. Пушкин не только мастер живописных сцен, их сюжетного построения. Он виртуозно владеет искусством комического. «Низкие предметы» с ироничной серьезностью описывает он высоким слогом: пьяную драку пародийно называет «ужасной битвой», Буянова — ратоборцем, обитательниц веселого дома — доблестными храбрыми женами, а внезапно появившегося полицейского офицера — «спокойствия рачителем». В жанровой картинке карикатурно высвечиваются образы древней истории и мифологии: Варюшка, принимающая у себя Буянова, купца и дьячка, представлена женой Перикла — Аспазией, в доме которой собирались философы, художники и поэты. Дворняги, сожравшие шинель убежавшего из притона незадачливого искателя приключений, названы церберами — по имени свирепого трехголового пса, охраняющего выход из преисподней (оттуда удалось выйти только Орфею, усыпившему Цербера песнями). Свободное, легкое повествование прерывается выспренними сентенциями: «В юдоли сей, увы, плач вечно близок смеха». Завершается поэма па-

родированием первого псалма царя Давида: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит на собрании развратителей». Библейская мудрость переводится в комический план: «Блажен, стократ блажен» оказывается тот,

С кем не встречается опасный мой сосед;
Кто любит и шутить, но только не во вред,
Кто иногда стихи от скуки сочиняет
И над рецензией славянской засыпает.

Что еще сказать об «Опасном соседе»? Пожалуй, если не самое главное, то, несомненно, очень важное: поэма В. Л. Пушкина привлекала его современников острой злободневностью, связанной с литературными битвами начала прошлого века, когда в борьбе сторонников А. С. Шишкова и последователей Н. М. Карамзина решалось будущее русской литературы. Однако здесь, для того чтобы продолжить разговор об «Опасном соседе», мы должны выйти за пределы его текста.

О борьбе шишковистов-классиков и карамзинистов-сентименталистов написано много статей, ей посвящены специальные разделы в учебниках истории русской литературы. Это избавляет нас от необходимости приводить обширные сведения, освещать множество фактов, ссылаться на многочисленные источники. Сделаем другое: напомним лишь о некоторых перипетиях этой борьбы, с тем чтобы представить себе своеобразный литературный колорит того времени, увидеть не только литературные, но и человеческие взаимоотношения литераторов и, конечно, понять, каким образом в эти взаимоотношения включается В. Л. Пушкин с его «Опасным соседом».

Сегодня мы произносим и пишем слова «интерес-

ный», «влияние», «занимательный», «трогательный», «усовершенствовать», не вспоминая о том, что эти слова были придуманы Н. М. Карамзиным. Да-да — именно придуманы, сочинены по образцу французских. Их не было в русском языке, но они были нужны Н. М. Карамзину и его последователям для выражения нового содержания, которое они стремились внести в русскую литературу. Разработанные классицистами государственные, военные, комически-бытовые темы в поэзии сентименталистов уступили место анализу душевной жизни образованного дворянина. Сложные чувства, любовные переживания, радостные и печальные, созерцание природы, наслаждение искусством и поэзией, грустные размышления о быстротекущей жизни — вот что было тематикой Н. М. Карамзина и писателей его школы, подготовивших своим творчеством расцвет русской романтической поэзии. Но для воплощения новых тем в русском языке не всегда находились нужные слова. И тогда-то Н. М. Карамзин начал преобразование русского языка, которое вслед за ним завершил А. С. Пушкин.

О словах ожесточенно спорили. Литературные староверы во главе с адмиралом А. С. Шишковым, который руководил Российской Академией, обвиняли Н. М. Карамзина в засорении русского языка.

«Слово трогательно есть совсем ненужный для нас и весьма худой перевод французского слова toucher. Ненужный потому, что мы имеем множество слов, то же самое понятие выражающих, как например: жалко, чувствительно, плачевно, слезно, сердобольно и проч., худой потому, что в нашем языке ничего не значит»[6],— писал А. С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом

слоге российского языка» (оно увидело свет в Петербурге в 1803 году).

Время рассудило спор не в пользу А. С. Шишкова. Впрочем, для А. С. Шишкова и Н. М. Карамзина это была полемика не только о словах, но о просвещении, об идеологии. Шишковисты боялись, как бы с французской лексикой в Россию не пришли революционные идеи. Они обвиняли Н. М. Карамзина в вольнодумстве, видели в нем чуть ли не революционера. Один из сторонников А. С. Шишкова сенатор П. И. Голенищев-Кутузов в 1810 году написал донос на Н. М. Карамзина, доказывая, что все его сочинения надобно сжечь.

В 1805 году известный своими комедиями А. А. Шаховской (его А. С. Пушкин наградил в «Евгении Онегине» эпитетом «колкий») написал «Нового Стерна», в котором осмеял Н. М. Карамзина и его школу.

«Граф. Добрая женщина, ты меня трогаешь!

Кузьминишна. Что ты, барин, перекрестись! Я до тебя и не дотронулась.

Фока. Не грех ли клепать на старуху?

Ипат. Невежи все берут спроста; трогать не то, что трогать... а что бишь?»[7]

Что и говорить, даже эта маленькая сценка из «Нового Стерна» позволяет судить о колкости А. А. Шаховского. Столь же остроумно высмеивалась в комедии чувствительная лирика, драматургия и проза сентименталистов.

Н. М. Карамзин не отвечал на задевавшее его произведение...

Казалось бы, полемика затихла. Однако в 1810 году она вспыхнула с новой силой, и произошло это благодаря В. Л. Пушкину, восторженному почита-

телю Н. М. Карамзина, убежденному его приверженцу.

В 1810 году в альманахе «Цветник» В. Л. Пушкин напечатал «Послание к В. А. Жуковскому», где обрушивался на «весь собор безграмотных славян», их языковой консерватизм (шишковисты ратовали за старославянский язык церковных книг), их враждебное отношение к новым знаниям:

Слов много затвердить не есть еще ученье:
Нам нужны не слова, нам нужно просвещенье[8].

Выпад Василия Львовича был столь неожиданным, что против него пустили в ход «тяжелую артиллерию»: 3 декабря 1810 года состоялось годичное собрание Российской Академии, на котором А. С. Шишков зачитал «Рассуждение о красноречии священного писания». В «Присовокуплении к Рассуждению...» он приписывал поэту забвение Отечества, преклонение перед иноземным,

В. Л. Пушкин поспешил отразить обвинения А. С. Шишкова. Обращаясь к одному из своих литературных соратников Д. В. Дашкову, он утверждал:

Невежда может ли отечество любить?
Не тот к стране родной усердие питает,
Кто хвалит все свое, чужое презирает;
Кто слезы льет о том, что мы не в бородах,
И, бедный мыслями, печется о словах!
Но тот, кто, следуя похвальному внушенью,
Чтит дарования, стремится к просвещенью.

Послания В. Л. Пушкина «К В. А. Жуковскому» и «К Д. В. Дашкову» были изданы в 1811 году отдельной брошюрой с язвительным предуведомлением, подчеркивающим их полемическую направленность. Они остались в истории русской литературы как первые манифесты школы Н. М. Карамзина.

Но все же именно «Опасный сосед» занимает в литературной борьбе особое место. Василию Львовичу удалось и здесь выступить против шишковистов, остроумно включить в пикантный сюжет своего сочинения вопросы языка и литературы. Оружие смеха, избранное поэтом, оказалось сильнее логических доводов — оно было неотразимо.

Пара рысаков, «подтибренных» Буяновым у Пахома, названа двоицей — славянизмом, заимствованным у поэта-шишковиста С. А. Ширинского-Шихматова. И здесь же — ироническое обращение к этому «Варяго-Россу», «угрюмому певцу» (не отсюда ли у А. С. Пушкина — «угрюмых тройка есть певцов — Шихматов, Шаховской, Шишков»?). В. Л. Пушкин просит у С. А. Шихматова взять слово в образец:

Досель в невежестве, коснея, утопая,
Мы, парой двоицу по-русски называя,
Писали для того, чтоб понимали нас.
Ну, к черту ум и вкус; пишите в добрый час.

...Но модных болтунов,
Кудрявых волокит, с лорнетами, с хлыстами,
С очками на носу, с надутыми брыжжами —
Как можно принимать?..

Д. Давыдов

Поэт расплатился с А. А. Шаховским, заставив обитательниц веселого дома читать его нашумевшую комедию «Новый Стерн»:

Две гостьи дюжие смеялись, рассуждали
И «Стерна Нового» как диво величали:
Прямой талант везде защитников найдет!

Досталось и А. С. Шишкову. В него нацелен последний стих: «И над рецензией славянской засыпает».

«Опасный сосед» вызвал бурю восторга у карамзинистов и шквал негодования у их противников. Но ни А. С. Шишков, ни С. А. Шихматов не могли достойно, а главное — талантливо ответить противнику. Это попытался сделать А. А. Шаховской, причем он решил обратить против В. Л. Пушкина его героя Буянова. Но расскажем об этом по порядку.

Сначала А. А. Шаховской оборонялся от автора «Опасного соседа» шуткой. «Ну, не несчастие ли мое? — говорил он.— Человек в первый раз отродясь сказал остроту — и то на мой счет»[9]. Однако острота В. Л. Пушкина стала крылатой. «Прямой талант везде защитников найдет» — эти слова повторяли беспрестанно. А. С. Пушкин не зря гордился умением дяди «лоб угрюмый Шутовского клеймить единственным стихом». Тогда А. А. Шаховской решил бороться с создателем «Опасного соседа» его же оружием. Он отомстил В. Л. Пушкину, написав комическую поэму «Расхищенные шубы», где заставил одного из действующих лиц пародировать его стихотворения. Когда же А. А. Шаховской работал над комедией «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (как и «Новый Стерн», она была направлена против карамзинистов, и особенно против В. А. Жу-

ковского), то он не забыл В. Л. Пушкина. И именно здесь вновь возник Буянов.

Один из героев комедии А. А. Шаховского — гусар Угаров («угар» значило «удалец», «буян»). Он соперничает со старым селадоном парижского тона бароном Вольмаром и модным поэтом Фиалкиным. Все они добиваются внимания Лелевой, сплетницы и кокетки, и все терпят неудачу. Горничная Лелевой Саша говорит об Угарове так:

Прелестник наш другой
И молод и вертляв, поручик отставной,
Сынок откупщика, охотник лошадиный,
Угаров; он своей сам бодрости не рад;
Со всеми без чинов, со всеми ровный брат.
В Москве дом розовый имеет на Неглинной,
И бегунов лихих, и ухарских псарей;
Цыганок табор с ним. Он прежде был гусаром,
А как война пришла, в отставку поскорей;
Но чтобы доказать, что он служил недаром,
В полувоинственный одет всегда наряд,
И в шпорах, и в усах, ну, словом, сущий хват.
Для вальсов мы к нему имеем снисхожденье.

А. А. Шаховской пародировал в образе Угарова как Буянова, так и его создателя. Он не только напомнил о цыганках и лихих бегунах, которыми так увлекался Буянов, но и намекнул на некоторые факты биографии самого поэта: не случайно Угаров — «поручик отставной» (В. Л. Пушкин служил в армии и дослужился всего лишь до чина поручика, в котором и вышел в отставку, — правда, это было задолго до войны 1812 года, в которой он не принимал участия).

Чтобы не было сомнения в объекте пародии, А. А. Шаховской заставил Лелеву процитировать стих

из «Опасного соседа» «И пристяжная вмиг свернулася кольцом»:

Нет, для меня, божусь, все хваты слишком ловки;
Стучат, бренчат, кричат, все счастье видят в том,
Чтоб пристяжная их свернулася кольцом,
И здесь мне надоел Угаров.

В сентябре 1815 года комедия «Урок кокеткам, или Липецкие воды» была поставлена на петербургской сцене и имела шумный успех. Сестра П. И. Голенищева-Кутузова увенчала А. А. Шаховского лавровым венком. В Москве комедию читали чуть ли не во всех домах. «Вся Москва наводнена Липецкими водами»[10],— писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу 18 ноября 1815 года, рассказывая об одном из литературных вечеров, на котором присутствовали многие московские актеры и литераторы и в том числе В. Л. Пушкин: все они собрались, чтобы услышать получившее скандальную известность произведение А. А. Шаховского.

Как реагировал В. Л. Пушкин на комедию? П. А. Вяземский описывает это достаточно живо. В начале чтения «Пушкин несколько раз испускал яростные крики, не будучи в силах обуздать порывы ретивого сердца». Прослушав второе действие, «В. Л. Пушкин бодрится; крики его вырываются чаще и чаще из груди, волнуемой яростью». Когда же прочитано третье действие и по настроению слушателей видно, что пьеса многим кажется дурною, «Василий Пушкин бьется по ляжкам и вскрикивает: «Я торжествую».

Вокруг «Урока кокеткам» развернулась полемика, которую современники справедливо назвали «липецким потопом». На комедиографа обрушился ливень критических статей и едких эпиграмм. По рукам ходила кан-

тата Д. В. Дашкова. А. С. Пушкин-лицеист переписал ее в свой дневник:

> Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
> Тебе Герой,
> Тебе Герой!..

Известно, что доброжелатели не преминули доставить кантату А. А. Шаховскому. Вообразить себе его реакцию нетрудно.

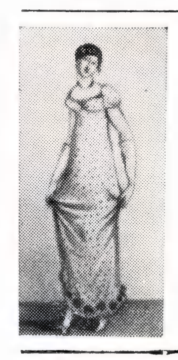
В новом наступлении на автора «Липецких вод» прозвучал и обиженный голос В. Л. Пушкина. В «Послании к П. А. Вяземскому» он сетовал:

> Я над невежеством и глупостью смеялся;
> Желанья моего я цели не достиг:
> Врали не престают злословить дарованья,
> Печатать вздорные свои иносказанья.

В громе литературного сражения Буянов, спародированный А. А. Шаховским в Угарове, остался незамеченным, и история его могла бы на этом и закончиться, если бы не А. С. Пушкин, который спустя почти десять лет после описанных нами событий вновь возродил героя В. Л. Пушкина в романе «Евгений Онегин».

В «Евгении Онегине» А. С. Пушкин создал не только энциклопедию русской жизни (позволим себе воспользоваться ставшим давно хрестоматийным определением Белинского), но и энциклопедию русской и мировой литературы, и в ней «Опасный сосед» по праву занял свое место. Поэт поставил Буянова в один ряд со Скотиниными — героями бессмертной комедии Фонвизина, подчеркнув тем самым несомненные достоинства сочинения дяди.

Интересно проследить за работой А. С. Пушкина над

Хозяин об одной лишь музыке толкует,
Хозяйка хвалится, что славно дочь танцует,
А дочка, поясок под шею подвязав,
Кричит, что прискакал в коляске модной — граф.

В. Пушкин

образом Буянова. Сохранившиеся черновики позволяют увидеть, как поэт искал наиболее удачные слова для того, чтобы представить Буянова читателю:

Мой брат двоюродный Буянов
В ермолке, в бронзовых цепях
В узорной куртке и в усах.

Другой вариант:

Мой брат двоюродный Буянов
В ермолке, в шпорах и в усах.

В конце концов он решил почти дословно процитировать поэму дяди, сославшись в примечании на ее текст.

Страницы пушкинского романа пестрят именами писателей и литературных героев. Однако в отличие от многих из них Буянов не просто упомянут — он становится действующим лицом. Вспомните бал у Лариных:

Умчал Буянов Пустякову,
И в залу высыпали все,
И бал блестит во всей красе.

В черновиках романа была такая деталь:

. . . . .Буянова каблук
Так и ломает пол вокруг.

Начинается мазурка:

Буянов, братец мой задорный,
К герою нашему подвел
Татьяну с Ольгою.

Бал кончился, но А. С. Пушкин не забывает о герое:

Гвоздин, Буянов, Петушков
И Флянов, не совсем здоровый,
На стульях улеглись в столовой.

Забавно, что в последующем Буянов — своеобразный соперник Онегина. Он хочет жениться на Татьяне: «Буянов сватался: отказ».

Образ Буянова был настолько жизненным, что А. С. Пушкин решил дать еще одну разработку этого характера. Нельзя не заметить, что Зарецкий в «Евгении Онегине» — это тот же Буянов:

Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный.

А. С. Пушкин мастерски углубил начертанный Василием Львовичем образ, сообщил ему новые детали и комические черты. А. С. Пушкин стал биографом Буянова, показал созданный дядей характер в развитии, оставшись, как и творец «Опасного соседа», на иронической точке зрения по отношению к нему:

Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,

Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

Так герой «Опасного соседа» обрел новую жизнь в романе «Евгений Онегин».

Еще одна любопытная подробность: когда А. С. Пушкин только начал приобретать литературную известность, ему стали приписывать авторство «Опасного соседа». И это его волновало. 2 января 1822 года он писал П. А. Вяземскому: «Крайне опасаюсь, чтобы двоюродный брат мой не почелся моим сыном, а долго ли до греха?»

У А. С. Пушкина были основания для опасений. Незадолго до этого письма, в декабре 1821 года, он вместе со своим приятелем И. П. Липранди в Аккермане был у полковника А. Г. Непенина. Когда поэта представили полковнику, тот спросил И. П. Липранди: «Что, это тот Пушкин, который написал Буянова?» И. П. Липранди в своих воспоминаниях описал ребяческое огорчение поэта-племянника. «Как же, полковник и еще Георгиевский кавалер, не мог сообразить моих лет с появлением рассказа?»[11] — говорил А. С. Пушкин. Эпизод этот можно расценивать по-разному. Бесспорно одно: воспоминания И. П. Липранди еще раз подтверждают факт огромной популярности «Опасного соседа».

Интересно, что поэма В. Л. Пушкина была широко известна, не будучи напечатанной. Ее распространяли в тысячах рукописных копий — об этом сообщает мемуарист Ф. Ф. Вигель. И журналист М. Н. Макаров в некрологе В. Л. Пушкину пишет об «Опасном соседе» как о произведении «нигде не напечатанном, а всем извест-

ном, получившем народность»[12]. Многие рукописные копии дошли до наших дней. Их бережно хранили на полках среди книг в шкафах красного дерева с латунными накладками, в ящиках затейливых бюро, в шкатулках из карельской березы, где рядом со списком «Опасного соседа» лежали письма и документы. Сейчас любопытно смотреть на эти пожелтевшие от времени листы, исписанные разными почерками. Среди списков «Опасного соседа» встречаются не только копии 1810 или 1820 годов, но и более поздние. Так, в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде находится тетрадь 1830 годов, в которую неизвестный нам владелец рядом с озорными поэмами М. Ю. Лермонтова-юнкера «Уланша» и «Петергофское гуляние», со стихотворениями Д. В. Давыдова и Н. М. Языкова поместил «Опасного соседа». А в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве можно увидеть копии поэмы В. Л. Пушкина, отпечатанные на пишущей машинке.

Впрочем, одно прижизненное издание «Опасного соседа» увидело свет. История его столь необычна, что заслуживает особого внимания.

В 1814 году со славой была окончена война России с Наполеоном. Русские войска вступили в Париж.

В 1815 году оказавшийся в Париже барон П. Л. Шиллинг фон Канштадт в числе других русских был приглашен министерством иностранных дел для составления и переписки документов, которых нельзя было доверить иностранцам. Эта работа потребовала много времени. Барону же не хотелось долго сидеть за письменным столом, и ему пришла в голову мысль вместо рукописного копирования бумаг использовать литографию, которая

была известна в Мюнхене. Когда об этом доложили императору Александру, он приказал послать П. Л. Шиллинга в Германию с тем, чтобы испробовать новое изобретение. Спустя много лет в 1853 году в газете «Северная пчела» рассказывалось об этом так:

«Следовало налитографировать что-нибудь по-русски. Шиллинг припоминал себе разные стихотворения, выученные им в первом кадетском корпусе и в свете, и ни одного не мог вспомнить вполне. Вдруг напал он на карикатурную идиллию Василия Пушкина: «Опасный сосед», выгравировал ее, и отправился с нею обратно в главную квартиру. Содержание опыта возбудило общий смех, а исполнение оказалось безукоризненным; при министерстве иностранных дел (в Петербурге) заведена была литография, первая в России, и Шиллинг назначен ее директором»[13].

Мюнхенское издание «Опасного соседа» 1815 года — редчайшее, вышедшее всего в нескольких экземплярах. Его нет в отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Отсутствует оно и в знаменитых книжных собраниях Н. П. Смирнова-Сокольского и И. Н. Розанова. Вообразите же, каково было мое удивление, когда, просматривая картотеку отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, я натолкнулась на карточку:

«Ф. № 777. Тиханов П. Н. ед. хр. № 1351. Пушкин Василий Львович. «Опасный сосед». Поэма. Литографированный экземпляр бар. П. Шиллинга. 3 окт. 1876, Париж, 4 листа».

С нетерпением ожидала я, когда принесут эту редкость. Делая запись в листе использования (есть такое

правило — исследователи записывают свои фамилии, указывают цель знакомства с рукописями, ставят число, месяц и год), я обнаружила, что первая беру это уникальное издание.

Вот оно — четыре больших плотных листа, ставших коричнево-желтыми. Я посмотрела их на просвет и на каждом увидела водяной знак — корону и монограмму Александра I. Текст выглядел так, как будто он был написан от руки: буквы наносились жирным черным веществом на литографскую плоскую форму, и с нее делался оттиск на бумаге. Однако местами текст был отпечатан слабее, а местами буквы проступали ярче — видно было все же, что это не рукопись.

В первой публикации «Опасный сосед» имел эпиграф: «Loripedem rectus derideat, Aethiopem albus. Juvenali»*. Это строка из сатиры римского поэта, где он разоблачает лицемеров, только на словах чуждающихся порока, а на деле тайно ему предающихся. Поставив такой эпиграф к своему сочинению, В. Л. Пушкин посмеялся и над ханжеством тех, кто объявит произведение безнравственным. Поэт оказался провидцем. Первое русское издание «Опасного соседа» относится только к 1917 году — его напечатала в Петрограде «Библиотека вольного слова». Правда, в 1913 году в Москве поэма была выпущена, но на обложке указывалось: «Печатано 75 экземпляров (не для продажи)». До этого текст ее появился в «Обстоятельном описании редких и замечательных книг». Все предшествующие издания «Опасного соседа» вышли

---

* «Смейся правый над колодником, белоликий над эфиопом. Ювенал» *(лат.)*.

за границей: второе — в 1855 году в Лейпциге, третье, четвертое и пятое — в 1859, 1871, 1876 годах в Берлине.

Но возвратимся к первому мюнхенскому литографированному изданию 1815 года.

В конце текста «Опасного соседа» я обнаружила запись, сделанную от руки: «Литографический оттиск барона П. Шиллинга, от него полученный. 1816. окт. 3». И ка-

Продавец разной посуды

Шарлатан и школьник

рандашом сверху вписано: «в Париже». Да, но на карточке и на папке, в которой мне принесли листы,— 1876. Вглядываюсь в цифры: нет, все-таки — 1816. Рядом со мной за соседним столом работает писатель-историк Н. Я. Эйдельман. Отрываю его от вороха бумаг: «Натан Яковлевич, посмотрите...» — «Нет, здесь явно единица, а не семерка»,— говорит он.

Кто получил от П. Л. Шиллинга оттиск? Чья это запись? Как попало издание в собрание коллекционера П. Н. Тиханова? Ответить на эти вопросы помогут толь-

ко дальнейшие поиски. А пока я — в 1980 году — держу в руках первое издание «Опасного соседа» — листы, отпечатанные литографическим способом в 1815 году в Мюнхене,— подарок, полученный в Париже в 1816 году от П. Л. Шиллинга, который был участником войны 1812 года, известным русским ученым, изобретателем, путешественником, коллекционером, приятелем П. А. Вяземского, А. И. Тургенева, К. Н. Батюшкова, знакомым А. С. Пушкина, и еще — первым издателем поэмы Василия Львовича.

Приятель В. Л. Пушкина известный библиофил пушкинского времени С. Д. Полторацкий узнал о мюнхенском издании «Опасного соседа» лишь в 1853 году, прочитав статью о П. Л. Шиллинге в «Северной пчеле» (выдержку из этой статьи мы приводили выше). И только в 1855 году, спустя двадцать пять лет после смерти В. Л. Пушкина, С. Д. Полторацкий смог выпустить в свет это, по существу, первое ставшее достоянием читателей издание «Опасного соседа». Так была выполнена просьба московского поэта, который в мае 1830 года, перед отъездом С. Д. Полторацкого за границу, говорил ему:

«Милый мой, ты, вероятно, будешь в Берлине, Лейпциге, Париже; там есть русские типографии; потешь меня пожалуйста; напечатай моего «Опасного соседа», лучшее и удачнейшее из моих стихотворений. Оно известно в России только в рукописи, и жаль, если пропадет и не дойдет до потомства. Вот тебе исправный список; тисни его и тем порадуй меня»[14].

Не только В. Л. Пушкин считал «Опасного соседа» лучшим своим произведением. А. С. Пушкин, особо от-

2 Заказ 465

метивший это сочинение дяди еще в 1815 году в стихотворении «Городок», в письме к П. А. Вяземскому от 2 января 1822 года спрашивал об издании стихотворений Пушкина: «Скоро ли выйдут его творения? все они вместе не стоят Буянова». Когда в 1816 году В. Л. Пушкина принимали в «Арзамас» — литературное общество, созданное для борьбы против общества шишковистов «Беседа любителей русского слова», его приветствовали шуточными речами, в каждой из которых непременно приводились строки из поэмы. Арзамасец А. Ф. Воейков в «Парнасском адрес-календаре»* наградил В. Л. Пушкина «листочком лавра с надписью «за Буянова»[15]. Друг поэта И. И. Дмитриев говорил ему: «Эх, брат Василий Львович! Много, много написал ты на своем веку, а все-таки лучшее твое произведение нецензурный «Опасный сосед»[16]. Другой приятель В. Л. Пушкина А. Я. Булгаков писал после его смерти брату: «Что говорил о пеночках и ручейках, умрет с ним, но его сосед Буянов останется памятником дарований его стихотворных»[17].

Можно было бы продолжить цитирование подобных высказываний. Однако сейчас важно отметить другое: «Опасный сосед» является не только лучшим, но и неожиданным произведением, занимающим особое место в поэзии В. Л. Пушкина.

---

* Адрес-календарь — нечто вроде справочной книги, где сообщались звания и ордена чиновников; «Парнасский адрес-календарь» — забавная «роспись чиновных особ, служащих при дворе Феба».

Литературоведы определяют творчество В. Л. Пушкина как несамостоятельное, во многом подражательное по отношению к Н. М. Карамзину и И. И. Дмитриеву, к французской легкой поэзии. Нет оснований не соглашаться с такой оценкой. Правда, современники В. Л. Пушкина ценили чистоту его слога и изящество изложения, считали его известным стихотворцем, переписывали в свои альбомы его стихотворения. Однако взыскательные читатели и тонкие ценители поэзии видели не только достоинства, но и недостатки его сочинений. Так, В. А. Жуковский, обращаясь к В. Л. Пушкину, писал:

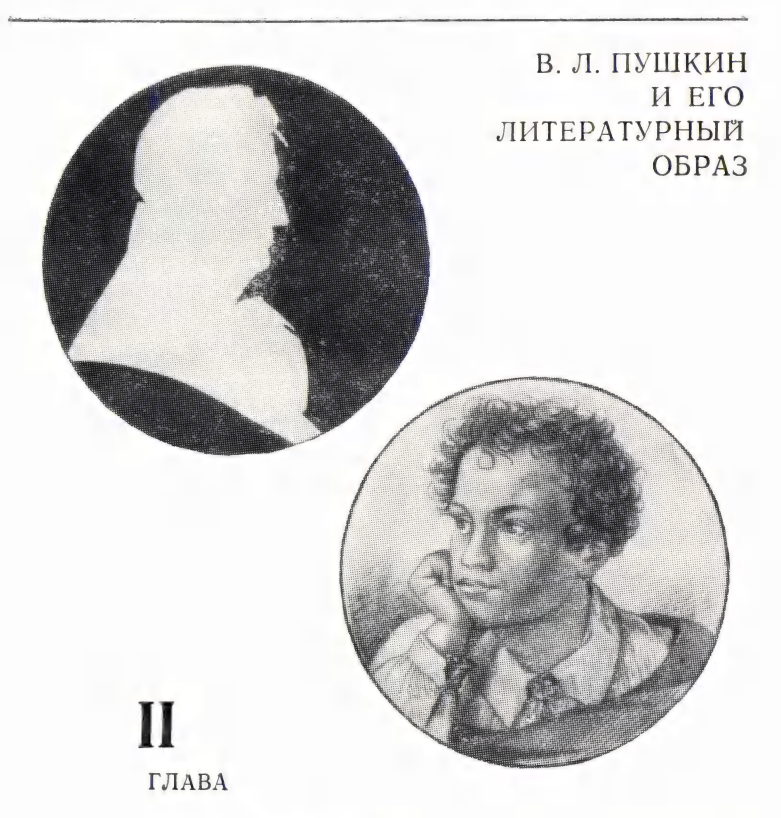
Послушай, Пушкин-друг, твой слог отменно чист;
Грамматика тебя угодником считает,
И никогда твой слог не ковыляет.
Но, кажется, что ты подчас многоречист,
Что стихотворный жар твой мог бы быть живее,
А выражения короче и сильнее[18].

Становится понятным, почему «Опасный сосед» не только восхищал, но и удивлял современников. Ф. Ф. Вигель, который считал, что в этой поэме В. Л. Пушкин превзошел самого себя, вспоминал, как она «изумила, поразила его насмешников и заставила самых строгих серьезных людей улыбаться соблазнительным сценам, с неимоверной живостью рассказа, однако же с некоторою пристойностью им изображенным»[19]. «Вот стихи! Какая быстрота, какое движение! И это написала вялая муза Василия Львовича!»[20] — восклицал К. Н. Батюшков.

Как объяснить удивительный факт появления «Опасного соседа» в творчестве В. Л. Пушкина? Думается, что

ответ на этот вопрос подсказал нам К. Н. Батюшков, который писал: «Сатира Пушкина есть произведение изящное, оригинальное, а сам он еще оригинальнее своей сатиры». Понять оригинальность «Опасного соседа» невозможно вне понимания неповторимого своеобразия его автора. Для того чтобы уяснить саму возможность появления этой поэмы, нужно обратиться к личности сочинителя.

В. Л. ПУШКИН И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ

II

ГЛАВА

Начнем с портрета.

Во время заграничного путешествия в Париже Василий Львович заказал свой портрет, сделанный по способу физионотраса. Это была своего рода фотография начала XIX века: за-

казчик садился на несколько минут перед аппаратом; получался едва заметный снимок в профиль, который тут же дорисовывали, гравировали на медной дощечке и делали до десяти отпечатков. Один из них хранится сейчас в Государственном музее А. С. Пушкина. На нем — профиль человека, которому уже за тридцать: горбатый нос, тонкие губы, устремленный вперед взгляд, модная прическа, нарядное белое жабо. Когда в 1822 году В. Л. Пушкин выпускал в свет сборник своих стихотворений, С. Д. Галактионов, скопировав физионотрас, сделал для издания гравированный портрет — такой же.

В экспозиции Государственного музея А. С. Пушкина можно увидеть еще одно, на сей раз силуэтное изображение Василия Львовича, вырезанное из белой бумаги неизвестным художником, может быть, дилетантом или кем-то из домашних,— искусство силуэта было тогда в большой моде.

В 1823 году французский живописец Ж. Вивьен, автор карандашного портрета вернувшегося из Михайловской ссылки А. С. Пушкина, нарисовал в Москве и его дядю (этот рисунок находится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде). Мы видим пожилого, почти лысого человека с одутловатым лицом.

Есть рисунки А. С. Пушкина: дядя-старик и дядя-мертвец.

Судить о характере В. Л. Пушкина по его портретам — задача достаточно сложная. В истолковании портрета всегда много субъективного. Глядя на наброски А. С. Пушкина, изображающие Василия Львовича в старости, мне хочется сказать о нем — остроумный, насмешливый; на рисунок Ж. Вивьена, сделанный немногим

ранее пушкинских, — добрый, усталый. Но с этим ведь можно и не согласиться. Физионотрас достоверно запечатлел внешность, а вот передал ли характер — решить трудно. Впрочем, у каждого, кто читал замечательные романы Ю. Н. Тынянова, есть уже сложившееся представление о характере В. Л. Пушкина, и, возможно, именно с этого и нужно было начать рассказ о нем.

Страницы «Кюхли» знакомы нам с детства. В. Л. Пушкин появляется здесь впервые в приемной министра просвещения А. К. Разумовского, где экзаменовались будущие лицеисты. Ю. Н. Тынянов показывает Василия Львовича через восприятие юного Кюхельбекера и деда Пущина — старика адмирала:

«Прием начинается. К адмиралу подходит щеголь в черном фраке и необыкновенном жабо, крепко надушенный и затянутый. Глазки у него живые, чуточку косые, нос птичий, и несмотря на то, что он стянут в рюмочку, у щеголя намечается брюшко.

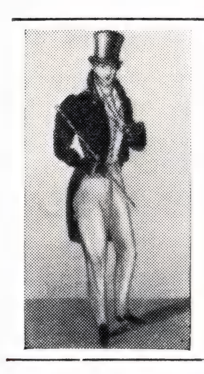
— Петр Иванович,— говорит он необыкновенно приятным голосом и начинает сыпать в адмирала французскими фразами.

Адмирал терпеть не может ни щеголей, ни французятины и, глядя на щеголя, думает: «Эх, шалбер» (шалберами он зовет всех щеголей); но почет и уважение адмирал любит.

— Вы кого же, Василий Львович, привезли? — спрашивает он благосклонно.

— Племянника, Сергей Львовича сына. Саша,— зовет он»[1].

Потом В. Л. Пушкин появится еще раз — на лицейском экзамене по словесности, где Александр Пушкин

В дверях другой диктатор бальный
Стоял картинкою журнальной,
Румян, как вербный херувим,
Затянут, нем и недвижим...

А. Пушкин

читал свои «Воспоминания в Царском Селе» в присутствии Державина:

«В креслах сидели мундиры, черные фраки; жабо Василия Львовича заметно выделялось своей белизной и пышностью,— «шалбер» аккуратно ездил на экзамены и интересовался Сашей больше, чем брат Сергей Львович»*.

Образ щеголя вызывает улыбку, запоминается. Но Ю. Н. Тынянов, увлеченный рассказом о судьбе поэта-декабриста Кюхельбекера, забывает о В. Л. Пушкине, чтобы вновь вернуться к нему в другом романе — «Пушкин». Здесь он уже не эпизодическое лицо: Василий Львович показан во взаимоотношениях с семьей, друзьями,

* Заметим, что в действительности на экзамене в Лицее присутствовал не дядя, а отец юного поэта, и Ю. Н. Тынянов, видимо, не мог не знать об этом. Однако данный эпизод «Кюхли» вполне правдив в художественном смысле.

писателями; сказано и о его поэтическом творчестве. Однако общий тон повествования тот же — ирония над смешным щеголем, наивным добряком, «брюхастым лепетуном», дамским угодником, салонным поэтом. Мастерство изображения в тыняновских романах неоспоримо, но справедлив ли писатель и ученый в такой оценке своего героя? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к свидетельствам современников Василия Львовича.

Письма, дневники, мемуары сохранили анекдоты о щегольстве, наивности и добродушии московского поэта.

П. А. Вяземский оставил в своих записках забавный портрет Василия Львовича, только что вернувшегося из-за границы:

«Парижем от него так и веяло. Одет он был с парижской иголочки с головы до ног; прическа à'la Titus, углаженная, умащенная huil antique. В простодушном самохвальстве давал он дамам обнюхивать свою голову»[2].

К. Н. Батюшков, вспоминая в 1811 году все, что его смешило, не забыл и В. Л. Пушкина, «того Пушкина, который теперь с кудрявой головой, в англинском фрачке, с парой мадригалов в штанах и с большим экспромтом, заготовленным накануне за завтраком, экспромтом, выписанным из какого-нибудь almanach des Muses, является в обществе часу около девятого, пьет чай, картавит по-французски, бранит славянофилов, хвалит Лагарпов псалтырь и свою бледную красавицу».

Ф. Ф. Вигель рассказал о том, как Василий Львович, услышав о прибытии в Петербург французского дипломатического агента Дюрока, представлявшего собой «картинку модного журнала», тотчас же поспешил к нему только для того, чтобы познакомиться с последними но-

востями парижского туалета. Вернувшись в Москву, «он всех изумил толстым и длинным жабо, коротким фрачком и головою в мелких кудрявых завитках как баранья шерсть, что называлось тогда à'la Дюрок».

И. И. Дмитриев, которого П. А. Вяземский называл «подглядатаем всего смешного», рассказывал о таком случае. Однажды он приехал к больному поэту и застал у него гостя-провинциала. «Разговор со мною,— говорил И. И. Дмитриев,— обратился, разумеется, на литературу. Провинциал молчал. Пушкин, совестясь, что гость его остается как бы забытый, вдруг выпучил глаза на него и спрашивает: а почем теперь овес? — Тут же обернулся ко мне и, глядя на меня, хотел как будто сказать: не правда ли, что я находчив и, как хозяин, умею приноровить к каждому речь свою»[3].

И. И. Дмитриева забавляла и страсть Василия Львовича к чтению своих стихов. Он остроумно сравнивал поэта с москвичом Левашевым, болезненно пристрастным к пиву. В домах у близких знакомых Левашев мог себе это позволить, «но все-таки стеснялся частых требований любимого своего напитка, а потому и выражал свои требования разнообразными способами: то повелительным голосом приказывал слуге подать ему стакан пива, то мельком и как будто незаметно в общем разговоре». И Василий Львович,— говорил И. И. Дмитриев,— «то восторженно прочтет свое стихотворение, то несколькими тонами понизит свое чтение, то ухватится за первый попавшийся предлог и прочтет стихи свои как будто случайно»[4].

В. Л. Пушкин был настолько колоритен в своих привычках и житейских слабостях, что уже при жизни стал литературным героем. Особенно удачно нарисован он

в шутливом стихотворении И. И. Дмитриева «Путешествие N. N. в Париж и Лондон».

Друзья! сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
<...>
Все тропки знаю булевара,
Все магазины новых мод.

Покидая Лондон, русский путешественник восклицает:

Я вне себя от восхищенья!
В каких являюсь к вам сапогах!
Какие фраки! панталоны!
Всему новейшие фасоны![5]

Сочинение И. И. Дмитриева нравилось А. С. Пушкину, он видел в нем «образец игривой легкости и шутки живой и незлобной», признавая, что в ней «с удивительной точностью изображен весь Василий Львович». Действительно, И. И. Дмитриев рассказал не только о щегольстве В. Л. Пушкина, но и о его увлечении литературой, книгами, театром, о его постоянной жажде общения с людьми, оценил его добродушие и открытость:

Я, право, добр! И всей душою
Готов обнять, любить весь свет!

Но все же И. И. Дмитриев не вышел за пределы комического образа.

В. Л. Пушкин был в восторге от сочинения И. И. Дмитриева, часто читал его наизусть своим друзьям и совершенно в его духе создал свой портрет в стихотворении «Люблю и не люблю»:

Люблю я многое, конечно,
Люблю с друзьями я шутить,
Люблю любить я их сердечно,
Люблю шампанское я пить,
Люблю читать мои посланья,
Люблю я слушать и других,
Люблю я модные собранья,
Люблю красавиц молодых.

С детским простодушием Василий Львович рассказывает о своих привычках и пристрастиях: он любит по моде одеваться, любит приятные общества, любит декламировать Расина, читать Державина и Дмитриева, «для сердца утешенья» хвалить Карамзина, изливать друзьям в стихах свою душу; он не любит славянофилов, гордых глупцов, плоских стихов, не любит «к вельможам на поклон ходить», не любит глупых журналов, дурных актеров, не любит страдать подагрой.

Забавный литературный образ В. Л. Пушкина прочно вошел в сознание его друзей и современников. В XIX веке в романтической литературе, когда реальный человек превращался в литературного героя, за ним закреплялись лишь определенные, становившиеся знаками узнавания черты. Характер выражался поэтической формулой. «Язвительный поэт, остряк замысловатый» — это А. С. Пушкин о П. А. Вяземском. «Американец и цыган. На свете нравственном загадка» — П. А. Вяземский о Ф. И. Толстом-Американце. «Усач. Умом, пером остер он, как француз» — Ф. И. Глинка о Д. В. Давыдове. И так же, как образ Дельвига — ленивца, «сына лени вдохновенного», о котором именно так писали его друзья,— возникает в стихотворении советского поэта Д. Самойлова «Дельвиг... Лень... Младая дева...», так и неунывающий весель-

чак, простодушный щеголь, а потом и жизнерадостный подагрик В. Л. Пушкин из поэзии его друзей, из его собственных стихотворений, из литературного сознания его современников переходит в романы Ю. Н. Тынянова.

Однако подлинный характер Василия Львовича, содержание его личности шире и глубже этого литературного образа. Всякому, кто ближе знакомился с В. Л. Пушкиным, открывался за литературной маской иной его облик. Прислушаемся к тому, как вспоминал о Василии Львовиче офицер-литератор А. А. Кононов (его воспоминания относятся к 1829 году):

«Старик, чуть движущийся от подагры, его мучившей, небольшой ростом, с открытой физиономией, с седыми, немногими оставшимися еще на голове волосами, очень веселый балагур — вот что я видел в нем при первом свидании. При дальнейшем знакомстве я нашел в нем любезного, доброго, откровенного и почтенного человека, не гения, каким был его племянник, даже не без предрас-

Будь дружен с музою моею,
Оставим мудрость мудрецам;
На что чиниться с жизнью нам,
Когда шутить мы можем с нею?

Е. Баратынский

судков, но человека, каких немного, человека, о котором всегда буду вспоминать с уважением и признательностью»[6].

Добродушие Василия Львовича оказывалось добротой, веселость — радостным восприятием жизни, детское любопытство — глубоким интересом к литературе, книгам, театру. Нет, это не значит, что в нем не было смешного, забавного. Просто забавное причудливо сочеталось с серьезным, веселое — с грустным, мелочное — со значительным. Это почувствовал К. Н. Батюшков: «Он глуп и остер, зол и добродушен, весел и тяжел, одним словом — Пушкин есть живая антитеза». С этим нельзя не согласиться.

«Брюхастый лепетун» был одаренным поэтом, человеком, блестяще образованным, талантливым декламатором, наблюдательным рассказчиком, остроумным собеседником. Недаром друзья В. Л. Пушкина, подсмеиваясь над его слабостями, ценили дружбу и общение с ним. Судьба позаботилась о том, чтобы сделать его свидетелем и участником многих исторических и литературных событий, столкнуть со многими людьми. В жизненном сюжете этого по-своему уникального человека отразилась история, быт, литература его эпохи. Прав был К. Н. Батюшков, когда шутливо писал своему приятелю: «Ваши сочинения принадлежат славе: в этом никто не сомневается. Но жизнь? Поверьте, и жизнь ваша, милый Василий Львович, жизнь, проведенная в стихах и праздности, в путешествиях и в домосидении, в мире душевном и в войне с славянофилами, не уйдет от потомства, и если у нас будут лексиконы великих людей, стихотворцев и прозаистов, то я завещаю внукам искать ее под литерою П: Пушкин В. Л., коллежский асессор, родился и проч.».

Нам остается только последовать этому совету и описать хотя бы некоторые эпизоды из жизни Василия Львовича.

В. Л. Пушкин родился в Москве 27 апреля 1766 года. Отец его, артиллерийский подполковник Лев Александрович Пушкин, был предан Петру III. Во время дворцового переворота 1762 года он отказался присягать Екатерине и два года провел в крепости.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин, —

писал А. С. Пушкин в «Моей родословной». В набросках же автобиографии он описал характер Льва Александровича:

«Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму, за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась — чуть ли не моим отцом».

У В. Л. Пушкина, помимо брата Сергея, были еще сестры Анна и Елизавета — ко всем он питал нежную привязанность.

Детство Василий Львович провел в Москве. Отец его,

выйдя из крепости, подал в отставку и на службу более не возвращался. Имея большое состояние, он жил в первопрестольной столице на широкую ногу, изредка наезжая с семьей в свои поместья, из которых особенно отличал Болдино Лукояновского уезда Нижегородской губернии. На лоне природы его сын — будущий стихотворец — научился любить журчащие ручейки, кудрявые рощи, душистые луга, пение птиц — все, что идиллически описал он впоследствии в своих стихотворениях:

С каким весельем я взирал,
Как ты, о солнце, восходило,
В восторг все чувства приводило!
Там запах ландышей весь воздух наполнял,
Там пели соловьи, там ручеек журчал...

Братья Пушкины получили блестящее домашнее образование, полюбили поэзию и чтение.

Благодарю судьбу: я с самых юных лет
Любил изящное и часто от сует,
От шума светского я в тишине скрывался,
Учился и читал, и сердцем наслаждался,—

писал Василий Львович. Он читал сочинения античных авторов, русские и французские книги — французским языком братья владели в совершенстве. Василий Львович изучил еще немецкий, английский, итальянский и латинский языки.

Когда домашний курс наук был закончен, В. Л. Пушкин стал появляться в московском обществе, где имел большой успех. Открытый нрав, добродушие и веселость, остроумие, любовь к стихотворству и способности к декламации сделали его непременным участником домаш-

них спектаклей и желанным гостем на званых вечерах.

По обычаю того времени, сыновья Л. А. Пушкина с малолетства были записаны в Измайловский полк. В 1791 году Василий Львович явился на действительную службу в Петербург. Но его занимали там не столько служба, сколько развлечения и удовольствия столичной жизни. Когда в Петербурге золотая молодежь объединилась в общество «Галера», то москвич В. Л. Пушкин стал одним из его «запевал».

В Петербурге В. Л. Пушкин сблизился с И. И. Дмитриевым, служившим тогда в Семеновском полку, познакомился с другими поэтами. В 1793 году он и сам вступил на поэтическое поприще, напечатав в журнале И. А. Крылова и А. И. Клушина «Санкт-Петербургский Меркурий» стихотворение «К камину», где в духе времени воспевал прелести уединенной жизни с друзьями и книгами и высмеивал тех, кто живет в кругу светской суеты:

Пусть Глупомотов всем именье расточает
И рослых дураков в гусары наряжает;
Какая нужда мне, что он развратный мот!
Безмозглов пусть спесив. Но что он? Глупый скот,
Который, свой язык природный презирая,
В атласных шлафроках блаженство почитая,
Как кукла рядится, любуется собой,
Мня в плен ловить сердца французской головой.

Литературный дебют Василия Львовича был очень удачным. О нем заговорили. Затем его стихотворения стали появляться в «Приятном и полезном препровождении времени», в «Аонидах»...

В 1796 году умерла Екатерина II. На престол взошел Павел I. В армии была введена жесточайшая палочная

Для вас, красавиц, мы берем
Златые лиры в руки
И от прелестных взоров ждем
Иль радости, иль муки.

В. Пушкин

муштра. Поручик В. Л. Пушкин, как только это стало возможным, поспешил в 1797 году выйти в отставку. Он переехал в родную Москву. Вскоре он женился на известной красавице Капитолине Михайловне Вышеславцевой. Однако брак их не был продолжительным. В 1802 году Капитолина Михайловна стала требовать развода, обвиняя Василия Львовича в прелюбодеянии с вольноотпущенной девкой Аграфеной Ивановой. Василий Львович то признавался в том, что от Аграфены Ивановой «никогда отстать не может», то отрицал свою вину и сам обвинял жену в преступном желании снова выйти замуж. Сейчас во всем этом трудно разобраться. Неизвестно и то, приходила ли «романическая мысль жениться на крестьянке» в голову Василия Львовича. Так или иначе, церковный суд признал его виновным и, разведя с женою, наказал обетом безбрачия. Много лет спустя были опубликованы некоторые документы этого затянувшегося до 1806 года бракоразводного процесса («Русский архив», № 12 за

1894 год — статья, выразительно названная «Семейные безобразия былого времени», а также «Русская старина», № 3 за 1903 год).

Впоследствии Василий Львович соединил свою судьбу с купчихой Анной Николаевной Ворожейкиной, у которой от него было двое детей — дочь Маргарита и сын Лев (они жили в его доме как «воспитанники»). Всю жизнь, особенно под старость, он страдал от того, что не мог дать им свое имя и состояние*. Незадолго до смерти хлопотал о продаже принадлежащей ему части Болдина с тем, чтобы хоть как-то обеспечить будущность близких после своей кончины.

...В 1803 году В. Л. Пушкин предпринял заграничное путешествие. В газете «Московские ведомости» 22 апреля 1803 года в известиях об отъезжающих за границу было напечатано:

«Коллежский асессор Василий Львович Пушкин,

* В хранящейся в Центральном государственном историческом архиве Москвы копии завещания В. Л. Пушкина, с которой нас любезно познакомил Сергей Константинович Романюк, говорится: «...взял я, Пушкин, у Московской купеческой дочери Анны Николаевны Ворожейкиной под сохранение денег государственными ассигнациями десять тысяч рублей без процентов без всякого документа, с тем, чтобы ей, Ворожейкиной, в продолжение моей жизни вместо процентов с оного капитала пользоваться собственным моим благоприобретенным движимым имуществом, как то: Библиотекою в книгах на разных диалектах в шкафах находящихся; серебром в ложках и других разных вещах состоящим, посудою всякого рода и качества, разным платьем и всяким бельем, равно также шестью лошадьми с принадлежащим к ним збруею и всяким экипажем, словом всем тем, что при мне имеется, не исключая ничего; и когда богу угодно будет прекратить мою жизнь, тогда все то благоприобретенное мною движимое имущество имеет поступить ей, Ворожейкиной, в собственное владение без возврата» (ф. 127, оп. 7, д. 157, л. 10).

и при нем служитель Игнатий Хитров; живет Яузской ч. 1 кварт. в доме под № 29-2»[7].

В. Л. Пушкин посетил Германию, Францию и Англию. Если бы его спросили о цели путешествия, он мог бы ответить так же, как автор «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзин,— «из любопытства». Василия Львовича интересовало все: памятники архитектуры, музеи, парки, уличная толпа и, конечно же, театры, книги, новые люди. О его заграничных впечатлениях мы можем судить по двум письмам из Берлина и Парижа, адресованным Н. М. Карамзину и тогда же в 1803 году напечатанным в «Вестнике Европы». Кроме того, Василий Львович так часто говорил о своей поездке, особенно о Париже, что отголоски этих рассказов находим и в воспоминаниях его друзей.

«Желание мое исполнилось, любезный Николай Михайлович, я в Париже и живу приятно и весело. Каждый день вижу что-нибудь новое и каждый день наслаждаюсь»,— пишет Василий Львович и далее рассказывает и о лекции «славного метафизика Сикара», чью знаменитую школу для глухонемых он посетил, и о проповеди «славного оратора аббата де Булона», и о приеме у госпожи Жанлис, сочинительницы чувствительных романов.

Русский путешественник восхищается произведениями искусства — «прелестной Венерой Медицис», «славной группой Лаокоона и величественным Аполлоном Бельведерским», картиной Гереня, изображающей Федру и Ипполита.

«Вы знаете мою страсть к спектаклям и можете вообразить, с каким удовольствием бываю в парижских!» — восклицает Василий Львович и тут же сообщает о своем знакомстве со «славною актрисою Дюшеноа, которая

чрезмерно дурна лицом, но играет в трагедиях прекрасно». В. Л. Пушкин познакомился и с другими французскими актерами. Достаточно короткие отношения установились у него со знаменитым трагиком Тальма, который перечитывал ему некоторые из своих ролей и давал уроки декламации. Поэтому И. И. Дмитриев, издавая в 1808 году «Путешествие N.N. в Париж и Лондон»*, украсил его виньеткой, на которой изображен декламирующий Тальма,— он стоит, держа в поднятой руке книгу; перед ним в кресле сидит восторженный слушатель — В. Л. Пушкин.

В письме к Н. М. Карамзину В. Л. Пушкин описывает свою аудиенцию у Наполеона, тогда первого консула:

«Мы были в Сен-Клу представлены первому консулу. Физиономия его приятна, глаза полны огня и ума; он говорит складно и вежлив. Аудиенция продолжалась около получаса».

Заметим, однако, что хотя Наполеон был тогда уже известен всему миру, для В. Л. Пушкина он стоит в одном ряду с другими парижскими впечатлениями — меланхолической прогулкой по Версальскому парку, обедом у госпожи Рекамье, французскими журналами, француженками, которые «все нимфы и грации».

В Париже В. Л. Пушкину был открыт доступ в лучшее литературное общество. Он встречался с известными французскими писателями, достойно представляя свое Отечество:

---

* «Путешествие N. N. в Париж и Лондон» было издано для друзей тиражом в 50 экземпляров. Этой книжечкой А. С. Пушкин гордился как библиографической редкостью.

Не улицы одни, не площади и домы,
Сен-Пьер, Делиль, Фонтан мне были там знакомы.
Они свидетели, что я в земле чужой
Гордился Русским быть, и Русский был прямой.
Не грубым остряком, достойным сожаленья,
Предстал пред ними я любителем ученья.

Решив познакомить французов с русской народной поэзией, Василий Львович перевел несколько старинных русских песен.

Ах ты, сад ли мой, садочек,
Сад зелено винoградье,
Мое милое гулянье,
Ты к чему рано опадаешь?[8] —

так начиналась одна из четырех песен, которые в переводе Василия Львовича были напечатаны в «Mercure de France». Публикация произведений русского народного творчества на страницах иностранного журнала — явление по тому времени чрезвычайно редкое, и переводы Василия Львовича были приняты со всеобщим одобрением.

Из своего заграничного путешествия, помимо самых разнообразных впечатлений — от общения с литераторами до модных новинок,— В. Л. Пушкин вывез прекрасную библиотеку. И. И. Дмитриев в своей стихотворной шутке писал о ней:

Какой прекрасный выбор книг!
Считайте — я скажу вам вмиг:
Бюффон, Руссо, Мабли, Корнилий,
Гомер, Плутарх, Тацит, Виргилий,
Весь Шакеспир, весь Поп и Гюм;
Журналы Аддисона, Стиля...

И все Дидота, Баскервиля!
Европы целой собрал ум!

Многие книги, приобретенные В. Л. Пушкиным, принадлежали до Великой Французской революции королевской и другим богатым библиотекам. Василий Львович очень дорожил и гордился своим книжным собранием. Оно было столь ценно, что ему завидовал даже владелец роскошной библиотеки граф Д. П. Бутурлин.

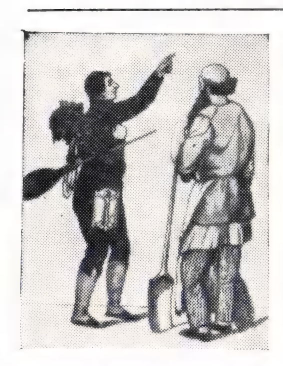
Вернувшись из-за границы и получив развод, В. Л. Пушкин зажил в Москве открытым домом, встречаясь с друзьями, участвуя во всех московских празднествах и увеселениях, сочиняя стихи. Где только не появлялись его творения: в «Вестнике Европы», «Друге просвещения», «Патриоте», «Московском зрителе», «Аглае». «Опасный сосед» распространялся в списках, умножая и без того достаточно широкую известность автора. К этому времени относятся и литературные битвы с шишковистами.

Гром военных сражений нарушил привычное течение жизни. Отечественная война 1812 года застала В. Л. Пушкина в Москве. Настроение общества, с которым был связан Василий Львович, описано А. С. Пушкиным в «Рославлеве»:

«Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Растопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки француз-

ский табак и стал нюхать русской; кто сжег десяток французских брошюрок, кто отказался от лафита, а принялся за кислые щи. Все закаились говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни».

Василий Львович не собирался покидать Москву. Когда французы вступили в первопрестольную, он едва

Трубочист и дворник

Маляр и штукатур

успел убежать в Нижний Новгород, оставив в московском пожаре все имущество, библиотеку. «Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоценная моя библиотека, — все сгорело», — сетовал он в письме к П. А. Вяземскому. В Нижнем Новгороде Василий Львович бедствовал, жил в избе, ходил по морозу без шубы, но не унывал и попрежнему занимался литературой. В послании «К жителям Нижнего Новгорода» выразил он свои патриотические чувства, любовь к родной Москве, ненависть к Наполеону:

Погибнет он! Москва восстанет!
Она и в бедствиях славна;
Погибнет он! Бог Русских грянет!
Россия будет спасена.

Когда Москва была освобождена, Василий Львович вернулся в разрушенный город и поселился в его Басманной части. Повсюду стучали топоры, строились новые дома, и вскоре москвичи зажили по-прежнему, давая обеды, балы. Особенно пышно праздновалось взятие Парижа. Все ликовали.

«Какая радость, любезнейший Александр Иванович!— писал Василий Львович А. И. Тургеневу.— Какая слава для России! Никакие слова не могут изобразить то, что чувствую я в сердце моем. <...> Москва красуется бедствиями своими и на нее должны обращаться взоры всей Европы»[9].

С 1814 года и до самой смерти Василий Львович безвыездно жил в Москве, мечтая о далеких путешествиях, но лишь изредка бывая в Петербурге и Нижнем Новгороде. Он свыкся с бытом родного города, с той особенной московской жизнью, о которой писал А. С. Пушкин:

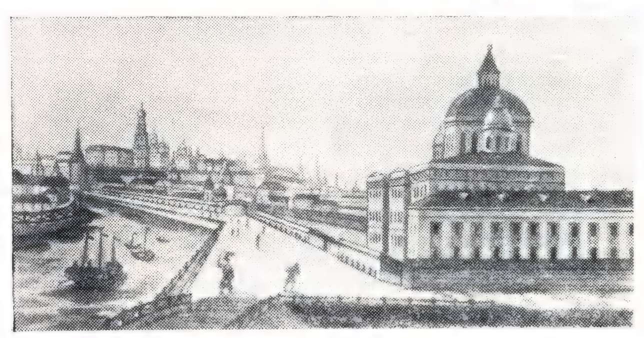
Разнообразной и живой
Москва пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное Безделье,
Жеманство в тонких кружевах
И Глупость в золотых очках,
И тяжкой Знатности веселье,
И Скуку с картами в руках.

В Центральном государственном архиве литературы и

искусства в фонде князей Вяземских хранится около ста писем В. Л. Пушкина, адресованных к П. А. Вяземскому. Это своеобразная хроника московской жизни 1810—1820-х годов. Василий Львович пишет о свадьбах и похоронах, сообщает о происшествиях — веселых, грустных, а иногда и трагических, описывает гулянья, балы, маскарады, спектакли, рассказывает о заседаниях Английского клуба, членом которого он был. Рассказывает он и о своих прогулках по древнему Кремлю, по московским бульварам и пригородам, — Василий Львович хорошо знал достопримечательности Москвы, и поэтому друзья поручали ему сопровождать знакомых иностранцев. Письма В. Л. Пушкина, живо и занимательно написанные, воскрешают быт Москвы прошлого века, и, думается, читателю будет небезынтересно познакомиться с некоторыми отрывками из них:

«Вчера вечером Акинфьев женился на Корсаковой.

Вид Воспитательного дома.

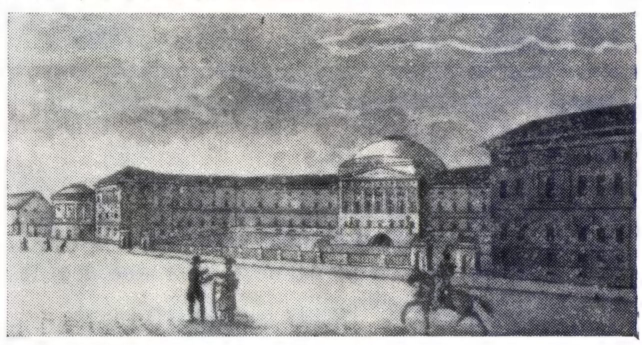
Их венчали в церкви Вознесения, на Никитской. Любопытных было бездна, и в том числе И. И. Дмитриев. <...>Невеста и все дамы были в бриллиантах. Все московские фрейлины невесту одевали к венцу — Тверская площадь была заставлена каретами, и давно такой пышной свадьбы я не видел».

«Кирияков, богатейший из здешних купцов, зарезал за обедом сестру свою. Это случилось 7 числа в присутствии многих родных и гостей. <...>Все утверждают, что он без ума и что бешенство всему причиною; однако в допросах он ничего безумного не говорил».

«Вчера в Благородном клубе собрание было многолюдное и бал великолепный. Императорская фамилия, король прусский, кронпринц, все тут находились и пробыли до 11 часу. Я был на хорах, вместе с кн. Мар. Григор. Гагариной и чуть было не умер от духоты...»

«Князь Юсупов в большом горе; славный его дворец

Московский императорский университет.

в Архангельском сгорел до основания. Группы Кановы, изображающей Амура и Психею, более не существует*; лучшие картины сделались жертвою пламени; библиотека спасена. Всем любителям художеств и изящного должно жалеть о такой величайшей потере; иного и с деньгами купить нельзя».

«К нам приехали в Москву певицы Италианские, штукар Индийский, лев Морской, актрисы Немецкие. Чего

Разносчик ваксы

Водовоз

хочешь, того просишь. Но я кроме льва, еще ничего не видал».

«На этих днях Александра Сергеевна Щукина <...> бежала из дому дяди своего, Дмитрия Федоровича Щукина, с холопом генерала Лаптева, и сказывают, вышла за него замуж. По сие время беглецов не отыскали. Я думаю, что ты знаком был с нею. Она мне всегда казалась

* К счастью, В. Л. Пушкин ошибся: скульптура Кановы «Амур и Психея» не погибла во время пожара в Архангельском дворце; ныне она находится в Государственном Эрмитаже.

умною и любезною девушкою. Нынче на холопей честь, и им жить раздолье. Эта безумная оставила родным письмо, в котором просит, чтоб они почитали ее мертвою, что она бежала с человеком низкой породы, но души благородной и высокой».

«Здесь балы, маскерады и спектакли всем вскружили голову. Завтра бал у Пашковых, 30-го маскарад у Бобринской, третьего февраля спектакль у Полторатских».

«На прошедшей неделе, 9 числа, наши московские гаеры играли Семирамиду. Надобно тебе сказать, что Семенова здесь и приехала сюда на месяц. Кондаков, представлявший роль Ассура, лишь только появился на сцену, забыв свою роль, залепетал, упал и — умер. Занавес опустили. Директор предложил взять деньги обратно, но публика собранную сумму отдала жене умершего».

«Англичанин Таскер, кажется, мною доволен. Я ездил с ним в Троицкую Лавру, познакомил его с Урусовыми, с Киселевыми... со всеми нашими прелестницами».

«Я не выдержал и поехал посмотреть на монумент.— Сие произведение достойно славных времен Греции и Рима. Я ничего не видел подобного. Стечение народа было многочисленное. Когда я приехал на площадь, церемония кончилась. Я вышел из саней и с час смотрел на знаменитых Пожарского и Минина. Я слышал много любопытного. Один толстый мужик с рыжею бородою говорил своему соседу: *смотри, какие в старину были великаны! Нынче народ омелел*. Другой: *в старину ходили по Руси босиком, а на нас немецкие сапоги надели*. Третий: *Прославляется матушка-Москва каменная. Таких чудес еще и не бывало! Час от часу все у нас краше!* И точно правда! Через десять лет Москва будет украшением отечества!»[10]

В письмах В. Л. Пушкина — история быта Москвы. Но он же очевидец другой — политической истории России. И к нему можно отнести слова А. С. Пушкина:

Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

1820-е годы — время больших исторических событий и в России, и в Европе: неапольская революция, восстание в Пьемонте, военная революция в Португалии, греческое восстание, испанская революция; восстание чугуевских военных поселений, восстание Семеновского полка. Но если у А. С. Пушкина, жившего революционными мыслями своего времени, все это находило живейший отклик в поэзии, то у В. Л. Пушкина чрезвычайно редко встречаются отдельные упоминания о политической жизни, и не в стихотворениях, а только в письмах. По-видимому, политика существовала для него на уровне бытовых фактов, происшествий. Так, например, узнав об убийстве студентом Зандом немецкого писателя Коцебу, который был агентом Александра I, Василий Львович, познакомившийся с Коцебу во время заграничного путешествия, сообщает: «Стурза, сказывают, опрометью ускакал из Веймара. Коцебу пострадал за него. Германские студенты шутить не любят и с ними связываться плохо»[11].

Впрочем, может статься, что письма В. Л. Пушкина, где обсуждались политические события, уничтожены П. А. Вяземским после 14 декабря 1825 года. Уместно обратить внимание на то обстоятельство, что писем Ва-

силия Львовича, датированных 1825 годом, не сохранилось. Между тем известно, что он был знаком с «декабристом без декабря» П. Я. Чаадаевым, декабристами И. Д. Якушкиным и А. А. Бестужевым-Марлинским, И. М. Муравьевым-Апостолом — отцом декабристов Муравьевых. Н. М. Муравьев, М. Ф. Орлов, Н. И. Тургенев были товарищами В. Л. Пушкина по «Арзамасу». С Н. И. Тургеневым, братом своего близкого друга А. И. Тургенева, Василий Львович неоднократно встречался, пророчил ему будущее государственного человека, читал его книгу «Опыт теории налогов» и сумел ее по достоинству оценить. В. Л. Пушкин знал В. К. Кюхельбекера и И. И. Пущина. Последний перед поездкой к А. С. Пушкину в Михайловское виделся с Василием Львовичем и передал опальному поэту привет от дяди.

В «Полярной звезде» К. Ф. Рылеева были напечатаны два стихотворения В. Л. Пушкина — «К ней», посвященное скончавшейся сестре Анне Львовне, и «Экспромт. На прощание с друзьями А. И. и С. И. Тургеневыми»:

Прощайте, милые друзья!
Подагрик расстается с вами;
Но с вами сердцем буду я
Пока еще храним богами.
Час близок; может быть, увы,
Меня не будет — будьте вы!

Да, К. Ф. Рылеев печатал и такие стихотворения. Гражданская ода и политическая сатира соседствовали с шутливым дружеским посланием и чувствительной элегией; революционеры-декабристы были связаны не только с А. С. Пушкиным, но и с В. Л. Пушкиным. Безусловно, по своим политическим и литературным взгля-

дам они принадлежали к разным кругам, но эти круги все же пересекались. Конечно, В. Л. Пушкин по-своему переживал трагедию 14 декабря 1825 года. Как? Этого мы не знаем. Можно только предполагать, что Василий Львович, далекий от политики и уж тем более чуждый революционных идей, будучи человеком бесконечно добрым и отзывчивым, не мог все же не пожалеть декабристов, остаться равнодушным к их трагической участи.

Жизнь В. Л. Пушкина 1810—1820-х годов вписывается, как всегда, не только в исторический и бытовой, но и литературный контекст времени. Он по-прежнему плодовитый поэт. Неутомимо пишет басни, послания, мадригалы, эпиграммы. Участвует в литературной борьбе. Живет литературой. Письма Василия Львовича наполнены именами писателей, незнакомых и знакомых нам,— среди них мы встречаем и имя А. С. Пушкина. Василий Львович рассказывает о литературных событиях, журнальной полемике, сообщает о заседаниях Общества любителей российской словесности, хлопочет о книгах, переписывает свои и чужие стихотворения. При этом в его письмах главное соседствует с второстепенным, быт вторгается в литературу, а литература переходит в быт, объективные факты насыщаются субъективными оценками — о чем бы ни говорил Василий Львович, во всем сказывается его личность, его житейские симпатии и антипатии, его литературные вкусы и пристрастия. Одним словом, здесь мы находим живую жизнь литературы прошлого века в самых разнообразных ее проявлениях. Судить о том, насколько это так, можно, ознакомившись хотя бы со следующими отрывками:

«Беседа вздумала, что мы враги ее, но мы нимало

Пусть смотрят на тебя красотки
Как зá двадцать смотрели лет,
И говорят — на зов твой ходки —
Что не стареется поэт.

П. Вяземский

врагами никакой умной беседы не будем — а над глупостью, нелепостью и невежеством смеяться нам запретить нельзя.

Как Шишков ни вертись!
Уймись!
Или берегись!

20 декабря. С.-Петербург».

«Батюшкова я вижу часто. Стихи его к Пенатам прелестны, а он сам редко любезный человек.

8 февраля 1812 года. Петербург».

«Бывают ли у тебя наши литераторы и не в Москве ли бард Жуковский? Певец во стане русских воинов есть, по моему мнению, лучшее произведение на российском языке.

18 ноября 1813 года. Нижний Новгород».

«История Российская вся уже раскуплена в Петербурге, и здесь ее продают дорогой ценою. Я читаю ее с восхищением и просиживаю за нею целые ночи.

20 февраля 1818 года. Москва».

3 Заказ 147

«Вот еще мадригал к Семеновой в роли Клитемнестры.

Я видел торжество таланта и искусства!
Я видел матери ужаснейшие чувства
В прелестном образе. Я видел, наконец,
Царицу грозную... царицею сердец.
Шаликов.

Наш Вздыхалов, как ты видишь, неутомим.

21 октября 1818 года. Москва».*

«Я восхищаюсь дарованиями моего племянника, но сердечно сожалею, что он посещает таких Вандалов, каков воспетый мною Шаховской. Не мудрено с волками завыть волком.

16 марта 1819 года. Москва».

«Посылаю тебе мою басню Яблоню. Я ее читал в последнем собрании.

*8 мая 1819 года. Москва»**.*

«Истинный талант торжествует над злобой и завистью. Николай Михайлович (Карамзин.— *Н. М.*) получил золотую медаль от лица Академии и сам Шишков поднес ему ее. Это приятное известие оживило меня в болезни моей.

*Январь 1820 года. Москва»***.*

---

* Имя знаменитой трагической актрисы Е. Семеновой часто встречается в письмах В. Л. Пушкина. Вздыхаловым назвал П. И. Шаликова в одной из эпиграмм П. А. Вяземский, к которому адресовано это письмо.

** Речь идет о заседании Общества любителей российской словесности, активным членом которого был В. Л. Пушкин.

*** 8 января 1820 года на торжественном собрании Российской Академии Н. М. Карамзин прочел отрывки из неизданного тогда IX тома его «Истории государства Российского». За этот труд А. С. Шишков вручил ему от Академии Большую золотую медаль.

«Третьего дня я был у И. И. Дмитриева, и читали вместе рецензию Воейкова, который чрезвычайно нападает на племянника моего. Я знаю новую поэму только по отрывкам, но кажется мне, что в них гораздо более вкуса, нежели во всех стихотворениях господина Воейкова.

*23 сентября 1820 года. Москва»**[12].

«В Тегеране случилось ужасное происшествие. Люди нашего посланника А. С. Грибоедова поссорились с персиянами, сии азиятцы так ожесточились, что ворвались в дом и умертвили Грибоедова, Аделунга и всю свиту. Один молодой человек Мальцов, брат Нечаевой, скрывшись во дворце у хана, избавился от смерти. Персидское правительство не имело участия в сем деле. Хан надел траур по Грибоедове, но от этого не легче. Его нет, и заменить его будет трудно. Полученное о сем известие, к сожалению, достоверно.

*21 марта 1829 года. Москва»***[13].

«Новая поэма А. Пушкина показалась в свет; но под названием *Полтавы*, а не *Мазепы*. Я нахожу, что А. Пушкин напрасно переменил ее название, но как бы то ни было, поэма его есть превосходное творение. Характер Мазепы, описание казни Кочубея, Полтавское сражение, все это написано мастерски. Он употребил новое слово: дрема *долит* вместо *одолевает*, он говорит, что сие слово находится в старинных русских песнях, равномер-

* В 1820 году А. Ф. Воейков на страницах «Сына Отечества» выступил с разбором «Руслана и Людмилы», который друзья А. С. Пушкина расценили как «злонамеренную критику».

** В. Л. Пушкин приводит ошибочную версию убийства 30 января 1829 года Грибоедова; это был акт политической борьбы с Россией.

но и *топ* вместо топот, но я много читал песен старинных и иные переводил на французский язык; признаюсь, однако, что сих слов нигде не заметил. Впрочем, что значит одно слово пред множеством красот, коими наполнена поэма? Еще повторяю, она есть превосходное творение, и я несколько раз ее перечитывал...

4 апреля 1829 года. Москва»[14].

В литературной жизни самого В. Л. Пушкина нужно отметить два важных события: в 1816 году его принимают в «Арзамас», в 1822 году выходит в свет сборник его стихотворений. Но к середине 20-х годов поэзия Василия Львовича уже утратила свое значение. Племянник затмил дядю, и В. Ф. Одоевский мог написать о творце «Опасного соседа» так:

О друг мой Василий,
Тщета всех усилий!
Ведь ты не поэт
И в нынешни годы
Уж вышел из моды!
Молчи же, Сосед![15]

Василий Львович не хотел сдавать своих позиций. Он продолжал печатать стихотворения в изданиях Общества любителей российской словесности, членом которого состоял, в «Дамском журнале», «Полярной звезде», «Звездочке», «Литературном музеуме», «Московском вестнике». В 1829 году в «Подснежнике» появилась первая глава его стихотворной повести «Капитан Храбров», в которой Василий Львович с прежним боевым задором пытался спорить — на сей раз с подражателями романтика Байрона. Вторая часть «Капитана Храброва» была

опубликована в «Северных цветах на 1829 год». Однако повесть осталась незаконченной. 20 августа 1830 года В. Л. Пушкина не стало.

«Бедный дядя Василий! — писал А. С. Пушкин П. А. Плетневу.— Знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом помолчав: как скучны статьи Катенина! и более ни слова. Каково? Вот что значит умереть честным воином, на щите le cri de guerre à la bouche»*.

П. А. Вяземского поразило «историческое предсмертное слово» В. Л. Пушкина. «Это исповедь и лебединая песня литератора старых времен, т. е. литератора присяжного, литератора прежде всего и выше всего»,— писал он.

Действительно, вся жизнь Василия Львовича заключалась в рыцарском служении литературе. Он это делал по-разному. Писал стихи и был одним из активных борцов в стане карамзинистов — его «Опасный сосед» вошел в историю русской поэзии как оригинальное произведение, появившееся благодаря редкому соединению в личности автора живой наблюдательности и тонкого остроумия, знания московского быта и особого искусства литературной полемики. Переводил европейских и древних авторов: Лафонтена, Байрона, Оссиана, Томсона, Катулла, Тибулла и многих-многих других. Его переводческая деятельность могла бы составить отдельную главу в истории русской литературы. Читал и до конца сво-

* с боевым кликом на устах (*фр.*).

их дней собирал книги*. Общался с литераторами и, обладая чрезвычайно привлекательными человеческими качествами и необыкновенным даром общения, объединял тех, с кем был дружен. А дружен он был с Н. М. Карамзиным, И. И. Дмитриевым, В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, Е. А. Баратынским, А. А. Дельвигом, П. А. Вяземским, Д. В. Давыдовым, П. И. Шаликовым. Поэтому за фигурой В. Л. Пушкина открываются еще и взаимоотношения его друзей-литераторов. Об этом мы попытаемся рассказать в следующей главе.

---

* В «Московских ведомостях» 1831 г. в № 85, 86, 88 было напечатано:

«Во французской книжной лавке А. Семена, на Кузнецком мосту, в доме Каразина, под № 422 продаются книги из библиотеки покойного Василия Львовича Пушкина, за уступкою 25 процентов.

Ежемесячно будут печататься объявления, выписанные из каталога сей библиотеки, известной по хорошему выбору книг».

КАК ИЗДАВАЛИ «СТИХОТВОРЕНИЯ ВАСИЛИЯ ПУШКИНА»

III ГЛАВА

Сборник стихотворений В. Л. Пушкина — единственный в его творческой биографии — вышел в свет в 1822 году в Петербурге. Задуман же он был в 1812 году в Нижнем Новгороде, куда Василий Львович бежал из пылающей Москвы.

Мой милый друг, в стране,
Где Волга наровне
С брегами протекает
И, съединясь с Окой,
Всю Русь обогащает
И рыбой, и мукой,
Я пресмыкаюсь ныне.

...Осенью 1979 года я приехала в Нижний Новгород — теперь город Горький, надеясь в государственном архиве Горьковской области найти что-либо, относящееся к истории этого издания, к ее началу.

Я знала, что там хранятся некоторые материалы, связанные с В. Л. Пушкиным. В «Записках краеведов» 1975 года сотрудник архива Н. И. Купреянова рассказала о начатом 19 сентября 1825 года деле Сергачевского уездного суда «по обвинению г.г. Пушкиных (Василия и Сергея Львовичей.— *Н. М.*) о произношении якобы дворовым человеком Дмитрием Лисиным похвальных слов, относящихся к деланию фальшивой монеты». В этом же сборнике за 1977 год была еще одна публикация — А. Г. Исаев описал альбом нижегородского помещика Д. А. Остафьева, в котором есть автографы и В. Л. Пушкина, и А. С. Пушкина. (Об этом чрезвычайно интересном альбоме, переданном в Пушкинский дом, мы еще будем говорить.)

Хотелось думать, что это не все. А вдруг? К сожалению, беседа с Ниной Илларионовной Купреяновой, картотеки и описи архива, с которыми она дала мне ознакомиться, убедили меня, что материалов о литературной деятельности В. Л. Пушкина в 1812 году в Нижнем Новгороде здесь больше нет. И все же я попросила дела Нижегородской городской думы, губернского правления, канцелярии губернатора, дворянского депутатского

собрания — хотелось представить себе быт и жизнь города, в котором оказался мой герой. Я перелистывала бесконечные листы в толстых папках: крестьянин Василий Ерофеев украл вино с судна нижегородского мещанина Букина; рабочие люди не явились на работу по договору для доставки соли; трактиры «отпираемы и запираемы были в узаконенные часы»; солдаты избили купца Кадашевцева; прапорщик Деревяшкин признался

Мясник

Почтальон и градский страж

в убийстве двух извозчиков; крестьяне сел Кемар и Коноплянки Княгининской округи подрались из-за спорных покосов сена; привлекались к ответственности зачинщики возмущения крестьян помещицы Мусиной-Пушкиной по поводу чрезмерных поборов вотчинным начальником Куничкиным; наводились справки о беглых Федоре и Иване Михайловых, о беглом дворовом человеке Степане Никитине, о беглой крестьянке Марье Петровой... Порой мне казалось, что я читаю «Мертвые души», знаменитое лирическое отступление о крепостных крестьянах.

В папках были и документы, отражающие быт военного времени: с купцов и мещан Нижнего Новгорода собирались пожертвования на содержание ополчения; лучшие кузнечные, столярные и сапожные мастера изготовляли седла для кавалерии; росли цены на поставляемые для армии сукна; врачебная управа подавала рапорт о количестве привитой предохранительной оспы; в губернском правлении в шкафах выставлялись образцы вещей, которые принимались для пожертвования в армию; по предписанию главнокомандующего иностранцы были взяты на учет... Вот в какой город с его каждодневными делами, заботами и происшествиями приехал в 1812 году В. Л. Пушкин.

Василий Львович был не единственным москвичом, оказавшимся во время нашествия французов в Нижнем Новгороде. Сюда переехали многие ведомства и канцелярии. Здесь находились Апраксины, Бибиковы, другие видные московские семейства. Здесь была «вся Москва». Квартир не хватало, приходилось устраиваться в тесных комнатах, избах. Все были опечалены пожарами в Москве; многие тревожились за своих близких, сражающихся с неприятелем.

Но вскоре, однако, жизнь москвичей потекла по-прежнему шумно и весело — обеды, балы, маскарады были, пожалуй, еще оживленнее из-за неустроенности быта. К. Н. Батюшков в одном из писем набросал несколько колоритных сцен из жизни москвичей в Нижнем Новгороде: на площади «между телег и колясок толпились московские франты и красавицы, со слезами вспоминая о бульваре»; на патриотическом обеде у Архаровых «от псовой травли до подвигов Кутузова все дышало любовью к отечест-

И путешественник залетный,
Перекрахмаленный нахал
В гостях улыбку возбуждал
Своей осанкою заботной...

А. Пушкин

ву»; на балах и маскарадах «наши красавицы, осыпав себя бриллиантами и жемчугами, прыгали до первого обморока в кадрилях французских, во французских платьях, болтая по-французски бог знает как, и проклинали врагов наших». Упомянул К. Н. Батюшков и В. Л. Пушкина, привычно включившегося в светскую суету: на ужинах «Василий Львович, забыв утрату книг, стихов и белья, забыв о Наполеоне, гордящемся на стенах древнего Кремля, отпускал каламбуры, достойные лучших времен Французской монархии, и спорил до слез с Муравьевым о преимуществе французской словесности».

Нужно ли говорить о том, что Василий Львович в Нижнем Новгороде по-прежнему жил литературой, писал и читал басни, мадригалы, дружеские послания, восхищал всех своими экспромтами? Поэзия помогала ему забыть о горестях и невзгодах. Даже свое скудное житье он поэтически воспринимал как образ бытия поэта:

Теперь пред целым светом
Могу и я сказать,
Что я живу поэтом:
Рублевая кровать,
Два стула, стол дубовый,
Чернильница, перо —
Вот все мое добро!

В. Л. Пушкин нашел в Нижнем Новгороде близкое ему литературное общество. Сюда приехал Н. М. Карамзин. В тяжелые дни для Отечества, дни военных бедствий, он продолжал работать над «Историей государства Российского». Из Москвы в Нижний Новгород перебрался и историк Н. Н. Бантыш-Каменский. Этот семидесятипятилетний старик, потеряв имущество и библиотеку, вывез московский архив, в котором хранились драгоценные исторические документы. Н. Н. Бантыш-Каменского сопровождал его помощник по архиву историк А. Ф. Мали-

Церковь Спаса на бору.

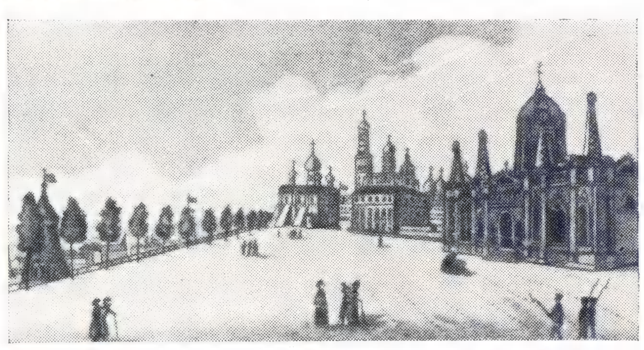
новский. В Нижнем Новгороде оказались также московский литератор С. Н. Глинка, поэт Ю. А. Нелединский-Мелецкий, автор и сейчас известной песни «Выйду я на реченьку». Приехал в Нижний Новгород и Батюшков,— болезнь помешала ему сразу же отправиться на поля сражений. По преданию, в Нижнем Новгороде он написал свое стихотворение «Разлука», которое выучивалось наизусть, переписывалось в альбомы и, будучи переложенным на музыку, пелось в обеих столицах, и в уездных городах:

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял...

В. Л. Пушкин часто встречался в Нижнем Новгороде с московскими литераторами, и, по-видимому, в дружеском общении с ними и возник у него замысел напеча-

Вид Вознесенского монастыря

тать свои стихотворения. Однако осуществление задуманного предприятия растянулось на многие годы. О всех перипетиях издания «Стихотворений Василия Пушкина» рассказывают его письма и переписка его друзей.

1 ноября 1818 года В. Л. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Нынешнею зимою я печатаю непременно мои стихотворения — все почти собрано и готово»[1].

Итак, только спустя шесть лет Василий Львович подготовил к печати свои стихотворения. Понять его медлительность можно: он был не скор на дела; к тому же после событий 1812 года нужно было из Нижнего Новгорода вернуться в Москву, устроить заново свой дом; еще была вечная занятость в круговороте московской жизни, наезды в Петербург, литературные битвы, «Арзамас»...

Москвич В. Л. Пушкин, а вернее, его друзья решили печатать сборник в Петербурге. Переговоры, денежные дела (а денег у Василия Львовича не было) заняли еще около трех лет.

В 1821 году издание было поручено А. И. Тургеневу. Но так как он не торопился начинать эту работу, П. А. Вяземский — сначала по просьбе Василия Львовича, а потом и по собственной инициативе — стал настойчиво напоминать ему об этом, укорять его, предлагать организовать подписку. В письмах, которые следовали одно за другим, Петр Андреевич советовал, как ускорить дело, рассказывал о том, что удалось сделать ему самому:

«Позаботься о сочинениях Пушкина: право, грешно! Тебе же они им и поручены!

2 августа 1821 года. Москва».

«Я уже Карамзиным жалуюсь о твоем бездействии в рассуждении манускриптов <...>В. Л. Пушкина! Вели напечатать тысячу билетов для подписки по десяти рублей; пришли несколько сотен сюда. Решись, где печатать; лучше всего в вашей новой Дидотовской типографии.

18 августа 1821 года. Москва».

«Я приготовил короткое донесение публике об издании в свет Василия Львовича; пришлю в четверг. А ты, между тем, приготовь все нужное и решись где печатать, по чем сдавать экземпляр и прочее. Стыдно нам не вынести его на руках к бессмертию.

22 августа 1821 года. Москва»[2].

В статье «Об издании стихотворений В. Л. Пушкина», о которой упомянул П. А. Вяземский в этом письме, говорилось, что стихотворения московского поэта «давно уже известны любителям Русской поэзии». Отмечая связь В. Л. Пушкина с поэтической школой Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, Петр Андреевич обратил внимание на такие его достоинства, как тонкий вкус и чистота слога, которые «должны почесться истинными заслугами, им оказанными Русской словесности». Поставив В. Л. Пушкина в «избранное число тех поклонников муз, которых стихотворные занятия сделались вместе и лучшим наслаждением их жизни и неоспоримым правом на благосклонность и уважение просвещенных соотечественников»[3], автор статьи предлагал его сочинения вниманию читателей.

Статья Вяземского, однако, не сразу увидела свет. Недовольный проволочками А. И. Тургенева, он даже

высказал мысль поручить издание В. К. Кюхельбекеру, который находился в это время в тяжелом материальном положении, с тем чтобы ему поступал десятый процент от выручки. Но Кюхельбекер определился на службу к генералу А. П. Ермолову, и эта идея отпала. Тогда Вяземский снова стал писать Тургеневу, просить его не откладывать дела в долгий ящик, выражая недовольство его бездеятельностью. Даже В. Л. Пушкин решился на-

Разносчик с корзинами

Разносчик книг и сочинитель

помнить Тургеневу о себе и своих стихотворениях. 9 октября 1821 года он писал ему:

«Надеясь на дружбу вашу, почтеннейший Александр Иванович, и осмеливаюсь напомнить вам о моих стихотворениях. Сделайте одолжение, уведомьте меня, что с ними делается? Начинается ли подписка, и скоро ли начнется тиснение? Я полагаю, что цензура их печатать дозволила, и прошу вас убедительно не оставить меня в таком случае»[4].

Хлопоты и напоминания заставили Тургенева «сдви-

нуться с места». Он нашел издателя стихотворений — П. А. Плетнева, поэта и критика, того самого Плетнева, который был другом А. С. Пушкина, а потом стал издателем «Евгения Онегина». Но коль скоро сам Тургенев по-прежнему принимал участие в издании, Вяземский не оставлял его своими письмами, по-прежнему бранил и требовал установить непосредственную свою связь с Плетневым:

«...лучше всего, введи меня в сношение с Плетневым; тут мы и запоем:

Заплетися, плетень, заплетися!

А с тобой только петь: «Расплетися!» С ним в два мига все устроим»[5].

Раздраженный Тургенев, соглашаясь передать эту просьбу новому издателю, сердито заметил, что из-за всего этого ему, «право, некогда садить цветы в нашей литературе». Но Вяземский был невозмутим и снова писал Тургеневу. Из Москвы в Петербург на почтовых переправлялись письма с вопросами о ходе издания, с призывами не оставлять его:

«Похлопочите, добрые люди! Василий Львович все-таки наш: на трубах наших повит и нашими мечами вскормлен»[6].

Отправили в Петербург и портрет сочинителя, который должен был украсить книгу.

Изданием стихотворений В. Л. Пушкина живо интересовались Карамзин и Дмитриев, о нем справлялся у Вяземского А. С. Пушкин, находившийся в то время в Кишиневе.

Плетнев с усердием взялся за дело. О том, насколько он вошел в подробности издания, свидетельствует его письмо к П. А. Вяземскому:

«Осмеливаюсь у вашего превосходительства испрашивать разрешения на следующие пункты в разсуждении издания Стихотворений В. Л. Пушкина:

I

По расчету Сленина печатных листов выйдет около 13. Ежели напечатать 1200 экз., то надобно употребить бумаги 30 слишком стоп. Когда купить простой бумаги, то надобно за всю заплатить около 450 рублей: если же взять веленевой, то около 600 рублей. Прошу вас назначить которую предпочесть бумагу для такого щеголя, каков Василий Львович.

II

В типографии у Греча за набор за лист берут по 35 руб. Можно ли переменить сию типографию на другую, если уже известно, что все гораздо хуже его, хотя и дешевле. У Греча весь набор будет стоить 455 руб.

III

Итак выходит издание книги: на простой бумаге	на веленевой
450 бум.	600
455 набор	455
500 редактору	500
всего 1405	всего 1555

Как прикажете поступать и от кого получить деньги, чтобы рассчитываться с купцами и типографщиками?

Если вашему превосходительству угодно будет доста-

вить мне разрешение, хотя через Сленина, то я приступаю к печатанию.

Редактор Стихотворений В. Л. П. Плетнев»[7].

Плетневу удалось намного продвинуть ход издания вперед, но тут вновь возникли денежные затруднения. В письме к П. А. Вяземскому от 6 января 1822 года он с присущей ему добросовестностью и обстоятельностью и вместе с тем с чувством юмора отчитывался о ходе издания:

«Я обязан писать вам о деле занимательном; я должен дать вам отчет о ходе издания Стихотворений того,

Кто нам Опасного Соседа
Искусным написал пером;
Кого завидным мне венком
И Арзамасская беседа
Не отказалась наградить;
Кто дружество умел ценить
Дороже славы стихотворной —
И кто теперь, судьбе покорный,
Не покидая свой диван,
Глядит с подагрой выписною,
Как подают ему стакан
Или с лекарством, иль с водою.

Издание очень скоро кончится, если только начнется. Я с своей стороны все сделал. Объявление напечатано (хотя и с ошибками: но есть ли у нас без ошибок книги?); типография приискана, бумага выбрана»[8]. Но, сообщив затем, что «билетов роздано очень много» — двадцать С. Л. Пушкину, пятнадцать А. Ф. Воейкову, девять А. И. Тургеневу, пять А. А. Дельвигу, а сверх того двадцать пять послано в Варшаву И. М. Фовицкому и двести в Москву П. А. Вяземскому,— П. А. Плетнев замечал:

«Все дело остановилось за безделицей:

Никто ни за один билет
Не шлет монеты мне ходячей:
А где наличных денег нет —
Удача будет неудачей».

После шутливого стихотворения на издательскую тему в письме была названа цифра, достаточная для задуманного предприятия,— две тысячи рублей. Эта сумма должна была, по мнению Плетнева, окупиться, так как «при появлении книги найдется много охотников иметь ее — и тогда к славе автора в придачу пойдут и деньги».

Денежный вопрос был улажен благодаря всеобщим хлопотам и в Москве, и в Петербурге. На издание подписался Карамзин. Он организовал подписку среди членов императорской фамилии, среди петербургских литераторов. 11 января 1822 года Н. И. Гнедич писал Вяземскому:

«Пролейте бальзам в сердце Василия Львовича: подписка на издание стихотворений его — в ходу. Вчера и я у Николая Михайловича умножил число его субскрибентоф»[9].

Однако возникло новое затруднение. О нем Плетнев сообщал Вяземскому в письме от 17 июля 1822 года: цензурный комитет не разрешил пропустить «Послания к Д. В. Дашкову», в котором сочинитель признавался, что он с восторгом читает повесть Вольтера «Кандид», и эпиграмму, начинающуюся словами «Лишился я жены, любовницы, коня». Цензура настаивала на своем решении, и выпуск сборника, таким образом, оказался под угрозой.

Любопытно, что цензором В. Л. Пушкина был И. О. Тимковский, известный своей строгостью и мелочными придирками. Это он не пропустил пушкинскую «Русалку». И это о нем писал А. С. Пушкин:

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что в свете не найдешь ослов подобных двух.

Вяземского взбесила глупость цензурных требований. Он возмущенно писал, что если у чиновников цензурного комитета нет совести, то им все же не мешает вспомнить об истории, этой «поздней совести правителей и народов»[10]. В. Л. Пушкина же, по выражению Петра Андреевича, «пот прошиб и он дал тягу», не помышляя о единоборстве с цензурой. «Я писал к Плетневу несколько раз и доставил ему требуемые госп. цензором поправки,— признавался Василий Львович и тут же с тревогой спрашивал: ничего в ответ не имею и не знаю, что делается с моими стихотворениями?»[11] Карамзин писал 25 сентября 1822 года из Царского Села в Москву Дмитриеву:

«Я жаловался на излишнюю строгость цензоров князю А. Н. Голицыну и сказывал ему о немилости их к невинным творениям нашего любезного Василия Львовича. Между тем слышу, что манускрипт уже в типографии: авось напечатают, к удовольствию автора и читателей»[12].

Благодаря заступничеству Карамзина, затруднение с цензурой было улажено. Остановились на компромиссном решении: стих с «женой, любовницей, конем» не был пропущен; упоминание «Кандида» осталось...

Наконец, собрание стихотворений В. Л. Пушкина вышло в свет. Вот она, эта книга, украшенная портретом сочинителя: «Стихотворения Василия Пушкина. Санктпетербург. В типографии Департамента Народного Просвещения. 1822». Здесь же на титульном листе — эпиграф: «Ce sont icy mes fantasies, par les quelles je ne tasche

Простите, скромные диваны,
Свидетели нескромных сцен!
Простите хитрости, обманы,
Беда мужей, забава жен!
Н. Карамзин

point à donner à connoistre les choses, mais moy. Montaigne»*.

В. Л. Пушкин разделил сборник на три части. Сначала — послания. При этом послание «К В. А. Жуковскому» по достоинству заняло первое место — ведь именно оно было первым ударом по литературным противникам-шишковистам. Далее следовали послания к Д. В. Дашкову, к П. А. Вяземскому (о них, об их месте в литературной борьбе 1810-х годов мы также уже говорили). И здесь же — послание к друзьям-арзамасцам, где Василий Львович напоминал о своих заслугах в сражениях с литературными староверами:

Вы вспомните о том, что первый, может быть,
Осмелился глупцам я правду говорить;
Осмелился сказать хорошими стихами,
Что автор без идей, трудяся над словами,

* «Вот плоды моего воображения. Я совсем не хотел с их помощью дать понятие о вешах. а только о себе самом. Монтень» *(фр.)*.

Останется всегда невеждой и глупцом.
Я злого Гашпара* убил одним стихом,
И, гнева не боясь варягов беспокойных,
В восторге я хвалил писателей достойных.

Послания к приятелю Василия Львовича Ф. И. Толстому, С. Л. Пушкину — «брату и другу», родственнику П. И. Приклонскому, «Ответ именинника на поздравление друзей» воссоздают атмосферу непринужденного дружеского общения, веселья, шутки.

Граф Толстой и князь Гагарин,
Наш Остафьевский боярин,
Ржевский, Батюшков — Парни,
Расцветают ваши дни!
Вам все шутки — мне ж все горе,
И моя подагра вскоре
Ушибет меня, друзья,
Жалкий именинник я!

Во второй части сборника — басни, излюбленный В. Л. Пушкиным жанр, который, как он считал, лучше всего ему удавался; недаром эта часть вместила больше всего стихотворений и в свою очередь подразделяется на две книги (в каждой — по двенадцать басен).

В баснях (многие из них — переводы Лафонтена и Флориана) Василий Львович следует за «русским Лафонтеном» — так он называл Дмитриева. Это изящные сценки, легко и непринужденно написанные. Вот одна из них — «Кузнечик»:

Кузнечик, в мураве густой
Скрываясь, мотыльком прельщался,
Который с одного цветочка на другой

---

* Гашпар — герой поэмы А. А. Шаховского «Расхищенные шубы». Этим именем В. Л. Пушкин называет и самого А. А. Шаховского.

Порхал, резвился, любовался
И майским утром и собой.
Лазурь и золото блистали
На крыльях мотылька и взоры привлекали.

Кузнечик завидует мотыльку, сетуя на свою безвестность и некрасивость. Но вдруг:

Мальчишки резвые красавцем овладели,
И он поиман под платком.

Бедняжка-мотылек раздавлен, а кузнечик говорит:

Я, право, мотыльку завидовал напрасно
И вижу, что блистать на свете сем опасно!

Автор заключает басню сентенцией:

Всего полезнее, чтоб счастливо прожить,
Скрывать свой уголок и неизвестным быть.

Другие басни В. Л. Пушкина содержат подобные же поучения. Читатели сборника его стихотворений узнавали, что «тот счастлив, кто живет на свете осторожно» («Лев больной и лисица»), «веселость денег мне дороже во сто крат» («Сапожник и его сват»), «в старости не ум, а сердце нужно нам» («Старый лев и звери»), «в любви разлука нам опаснее всего» («Соловей и малиновка»).

Думается, что, когда А. С. Пушкин вместе с Н. М. Языковым пародировал творения И. И. Дмитриева, он мог вспоминать и басни дядюшки, который был его подражателем. В самом деле прописные истины, утверждаемые Василием Львовичем («В несчастье познаем мы истинных друзей», «Лисицы хитрые опаснее волков» и т. д.), приходят на память, когда читаешь насмешливые нравоучительные четверостишия его племянника, одно из которых мы приводим ниже:

Справедливость пословицы

Одна свеча избу лишь слабо освещала;

У нас в провинции нарядней нет Любови!
По моде с ног до головы:
Наколки, цвет лица, помаду, зубы, брови —
Все получает из Москвы!

В. Жуковский

Зажгли другую,— что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

Впрочем, иногда читатели «Стихотворений Василия Пушкина» встречали в его баснях и нечто иное:

От старика и до ребенка
Все заняты умы в столичных городах:
Тот проживается, тот копит, богатится
И в страшных откупах;
Другой над картами трудится;
Заботы, происки о лентах, о чинах;
Никто не думает о ближних, о друзьях;
Жена пред мужем лицемерит,
А муж перед женой — и до того дошло,
Что брату брат не верит.

(«Сурок и щегленок»)

Однако сатира на нравы у Василия Львовича, как правило, лишена социальной остроты, и, разумеется, эти произведения не идут ни в какое сравнение с баснями его современника И. А. Крылова, к которому сам он всегда относился с должным пиететом.

В раздел «Басни» В. Л. Пушкин включил свои стихотворные сказки. Они действительно близки к басенному жанру. Так, в «Кабуде-путешественнике» длинная история путешествия осла и его хозяина рассказана лишь для того, чтобы прийти к выводу:

...кто поехал в путь ослом,
Ослом и возвратится.

В сказке «Красавица в шестьдесят лет» в сатирическом духе очерчивается характер старой кокетки, которая

...в зеркале себя увидев невзначай,
Сказала, прослезясь: «Веселие, прощай!
Как зеркала переменились!»

То же можно сказать и о «Были» и «Догадливой жене». Что же касается сказки «Людмила и Услад», то в ней есть и басенное нравоучение (собака дает красавице урок верности), есть и разговорность дружеского послания — В. Л. Пушкин начинает свое произведение обращением к К. Н. Батюшкову (ему это произведение посвящено):

Аполлоном вдохновенный,
Друг любезный и поэт,
Ты, прощаясь, дал совет,
Чтоб, на скуку осужденный,
Коротал я длинный час,
И свободными стихами
Я беседовал с друзьями.

И балладные мотивы в духе В. А. Жуковского также здесь присутствуют. Можно даже говорить о некоторой перекличке текстов. У Жуковского в «Светлане»:

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;

В ней большие чудеса,
Очень мало складу.

У Василия Львовича:

Обожаемый сердцами,
Пол прекрасный, не сердись!
Я невинен. Улыбнись!
Ведь не грех шутить стихами!
Лжец и сказочник все то ж
Знают все, что сказка ложь.

Заключает сборник раздел «Смесь» — здесь элегии, песни, романсы, эпиграммы, мадригалы, стихи в альбом, буриме, подражания. Сюда включены и патриотическое послание «К жителям Нижнего Новгорода», и сатира «Вечер», где начертаны забавные портреты Скопидомова, Вралева, Надутова, и стихотворение «Суйда», в котором воспеваются прелести сельского уединения. В поэтических мелочах, в стихотворениях «на случай» сказался дар В. Л. Пушкина — салонного стихотворца. В них отразился и его добродушный характер, и его жизненная философия. В стихотворении «На случай шутки А. М. Пушкина, который утверждал, что я умер» Василий Львович писал, что он действительно давно умер для шума и утех, для амура и карточной игры, но для других радостей остался жить:

Но я живу для искренних моих друзей,
Душе и сердцу милых;
Живу еще для муз, и в хижине моей
Не знаю скуки я, не вижу дней унылых.

Сборник стихотворений В. Л. Пушкина, столь долго готовившийся к печати и наконец все-таки вышедший в свет, обрадовал сочинителя и его друзей, несмотря на то, что лучшее произведение — «Опасный сосед» — по

известным причинам не было в него включено. Василий Львович с радостью преподносил свою книгу. (Мне довелось видеть его надпись на экземпляре, подаренном неизвестному лицу, который хранится в библиотеке русской поэзии И. Н. Розанова в Государственном музее А. С. Пушкина: «В знак искреннейшего почитания и преданности от сочинителя»). Можно не сомневаться в том, что все друзья Василия Львовича получили его «Стихотворения». Послал он их и в Кишинев племяннику. Однако А. С. Пушкин считал — и считал справедливо, — что произведения дяди — вчерашний день русской литературы. Он не мог не замечать их подражательного характера прежде всего по отношению к Дмитриеву, творчество которого также ушло в прошлое. Поэтому А. С. Пушкин писал 6 февраля 1823 года из Кишинева Вяземскому:

«...дядя прислал мне свои стихотворения — я было хотел написать об них, кое-что, более для того, чтоб ущипнуть Дмитриева, нежели чтоб порадовать нашего старосту; да невозможно; он так глуп, что язык не повернется похвалить его и не сравнивая с экс-министром — Доратом».

«Стихотворения Василия Пушкина» все же не остались незамеченными. В «Трудах высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности» (а Василий Львович был связан и с этим петербургским обществом) появилась статья «О стихотворениях В. Л. Пушкина», где отмечалось, что они уже до выхода из печати были известны читающей публике. Далее в академических традициях цитировалась статья П. А. Вяземского «Об издании стихотворений В. Л. Пушкина», помещенная в свое время в «Сыне Отечества»,

Она с улыбкою сказала —
«Мадам Ле-Бур шлет всякий год
Мне кучу иностранных мод,
Но дорога несносно стала».

В. Пушкин

и «Опыт краткой истории русской литературы» Н. И. Греча, где говорилось: «Его стихотворения отличаются легкостью, правильностью и приятностью слога, благородными мыслями и чувствованиями»[13].

Приятель В. Л. Пушкина П. И. Шаликов поместил восторженную рецензию в «Московских ведомостях»:

«Сии Стихотворения показывают Автора Европейского, напитанного чтением классических творений во всех тех родах, которым поэт наш посвятил лиру свою. Слог его выработан, вкус верен, тон — важный или шутливый всегда благороден, плавность, гармония и механизм стихов достойны подражания».

«Для славы литературы нашей должно желать,— заканчивает свою рецензию П. И. Шаликов,— чтобы гораздо чаще выходили у нас такие книжки, которые оцениваются знатоками не по числу листов, но по другому достоинству, и которые заслуживают известное

преимущество быть в руках у каждого человека со вкусом и просвещением»[14].

Отметим, что с рецензией П. И. Шаликова соседствовали и другие газетные сообщения. Читая их, мы погружаемся в новости, с которыми знакомились подписчики «Московских ведомостей» в субботу 23 декабря 1822 года. Из Лондона, Парижа, с испанской границы, из Швейцарии поступали сведения о политических событиях и частных происшествиях.

Из Лондона сообщали, что «несколько французских бродяг сделало удачную высадку на остров Порто Рико и под названием Боиквы объявило его республикою».

Из Парижа информировали о том, что «королевским повелением приказано набрать 40 000 рекрутов», что «три испанца, принадлежавшие к партии неумеренных либералов», получили повеление выехать из столицы Франции в 24 часа, что «полицейский суд потребовал книгопродавца, издавшего «Систему гражданского общества» барона Гольдбаха, к ответу как человека, вооружающегося на религию и народную нравственность». Были и такие известия:

«На одном бале в Пуатье трое молодых людей, разгоряченные вином, вздумали большую часть пирожного посыпать порошком из Шпанских мух. Две молодые девушки скоро почувствовали самые ужасные действия сего бездельничества и только самая скорая помощь могла спасти их».

Из Италии с прискорбием извещали:

«Князь Гардерберг, государственный канцлер прусского короля, скончался от паралича в Генуе, где он пользовался морскими банями».

Обзор событий по Российской империи начинался с Москвы: в Успенском соборе по случаю высокоторжественного дня рождения императора была служба; состоялось собрание московской практической коммерческой академии; Московский императорский университет объявлял благодарность за приношения в пользу Новосильского уездного училища.

Из Астрахани и Евпатории сообщали о прибывших туда купеческих судах.

Отдел «Объявлений» предлагал читателям заказать платье по вкусу последней парижской моды у портного Гнута, прибывшего из Парижа; купить в книжных лавках «Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей» и «Курс анатомии, сочиненный доктором медицины и хирургии, оператором, членом разных ученых обществ, профессором, статским советником и кавалером Е. Мухиным»; приобрести «имение расстоянием от Москвы в 70 верстах сельцо Воробьево, в коем по ревизии 25 душ»; или же посмотреть «покойную карету зеленой краски», которую отдавали за сходную цену. На выбор были «серой арабской породы 6 лет жеребец», «новая пелеринка и немного поношенный салоп, собольего меху», разное соленье — «грузди, грибки и огурчики», «французский кухмистер, отличного качества», «лакей, видный собой, он же хороший башмачник и сапожник». Можно было также получить двадцать пять рублей награждения за сбежавшего пятимесячного легавого щенка, «белого с кофейными на голове пятнами и ушами такого же цвета, из которых левое рябовато».

В эту своеобразную рекламу вписывается помещенная вслед за статьей «О делании кирпичей посредством

гнета» рецензия П. И. Шаликова «О стихотворениях Василия Львовича Пушкина».

Книга В. Л. Пушкина органично включалась в быт его времени. Казалось бы, то же самое можно сказать и о книгах любого автора, о сочинениях А. С. Пушкина. Читатели великого поэта также знакомились с тем, какие имения, кареты, салопы можно было купить, каких лакеев и кухмистеров нанять, однако это не мешало им восхищаться его романтическими поэмами, переписывать его стихотворения, зачитываться его романом «Евгений Онегин». Все это так. Но произведения А. С. Пушкина ценны для нас и вне этого бытового контекста. Сочинения же его дяди интересны сегодня не столько сами по себе, сколько своей связью с бытом времени, тем, что стоит за ними,— а стоит за ними, как и за фигурой В. Л. Пушкина, история, быт и литературная жизнь пушкинской эпохи. В этом отношении примечательна и рассказанная нами история публикации «Стихотворений Василия Пушкина», отраженная в переписке его друзей. В ней — и техника издательского дела, и цензурные требования, и литературный портрет В. Л. Пушкина, и взаимоотношения объединенных дружбой к нему литераторов — П. А. Вяземского, Н. М. Карамзина, П. А. Плетнева, А. И. Тургенева, И. И. Дмитриева,— то есть опять-таки литературный быт XIX века. Но что такое литературный быт?

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЫТ МОСКВЫ И ДОМ НА СТАРОЙ БАСМАННОЙ

IV ГЛАВА

В «Толковом словаре» В. Даля находим: «Быт м. бытность. Это случилось на нашем быту.//Бытье, житье, род жизни, обычай и обыкновения. Быт крестьянский, дворянский; быт домашний, обиход, хозяйство; быт анг-

4 Заказ 465

лийский, немецкий, быт нынешний и быт минувший»[1].

Понятия «литературный быт» у В. Даля нет.

Однако в научных работах последних лет это словосочетание встречается или подразумевается там, где речь идет о рукописных сборниках и альбомах, о литературных обществах, кружках и салонах, совместной издательской деятельности литераторов, литературных моделях бытового поведения.

Литературный быт пушкинской эпохи становится сейчас предметом пристального внимания и всестороннего изучения. Об этом свидетельствуют книги и статьи М. И. Гиллельсона, Ю. М. Лотмана, В. Э. Вацуро, других исследователей[2]. Быть может, так будет и с нашим временем, потому что съезды писателей, дома творчества, где часто в атмосфере дружеского общения создаются новые произведения; семинары поэтов, прозаиков и драматургов, где эти произведения обсуждаются; творческие вечера, где читатели встречаются с любимыми авторами; пушкинские праздники поэзии, в которых принимают участие не только поэты всех союзных республик, но и многие тысячи почитателей пушкинского гения — все это тоже литературный быт. Но он относится к сегодняшнему дню, и будущие исследователи смогут пользоваться стенограммами выступлений и протоколами заседаний, газетными хрониками и магнитофонными записями, дневниками и письмами.

В XIX веке так же, как и в наше время, люди увлекались любимыми литературными героями и подражали им, читали и переписывали стихи,— а поэты эти стихи писали, встречались друг с другом, спорили и обсуждали литературные новинки. Но никому в голову не приходило все это изучать. Чтобы воспроизвести сегодня живую

атмосферу литературной жизни прошлого века, нужно по крупицам собирать разрозненные сведения, рассыпанные по перепискам, дневниковым записям и мемуарам XIX столетия. Нужно просмотреть множество рукописных сборников и альбомов. И еще — перечитать художественные произведения XIX века, потому что литературный быт, не являясь предметом изучения, нередко становится объектом изображения: когда А. С. Пушкин описывал в «Египетских ночах» выступление итальянца-импровизатора, сообщал в «Евгении Онегине» о стихах и рисунках Ленского в альбоме Ольги или рассказывал в «Метели» о Марье Гавриловне, стремящейся построить свою жизнь по канонам романтической повести, то он оставлял нам его свидетельства.

В. Л. Пушкин являл собою часть литературного быта пушкинской Москвы. Он творил этот быт: участвовал во всех литературных развлечениях, присутствовал на всех литературных собраниях, с удовольствием декламировал в гостиных свои и чужие стихотворения, заполнял ими альбомы друзей и знакомых, отзывался на любое событие московской жизни или жизни своих приятелей (не говоря уже о своей собственной) стихами «на случай». Его остроумные экспромты повторялись москвичами; его басни, мадригалы, эпиграммы, послания переписывались в толстые сборники и тоненькие тетрадки; его «Опасный сосед» в многочисленных рукописных копиях ходил по рукам. Об этом мы и попытаемся здесь рассказать.

В пушкинское время книги выпускали мизерными, с сегодняшней точки зрения, тиражами (книгоиздатели говорили так: один завод — это значило 1000 или 1200

экземпляров и два завода — 2000, 2400 экземпляров). Этим отчасти можно объяснить широкое распространение рукописных сборников и в обеих столицах, и в особенности в провинции. Но не только этим. В стремлении переписать стихи из книг, альманахов, журналов сказывалось еще искреннее увлечение поэзией, желание объединить свои любимые стихотворения, создать поэтическую книгу для чтения по своему вкусу.

В. Л. Пушкин занимает в рукописных сборниках XIX века заметное место. Когда перелистываешь фолианты в роскошных кожаных переплетах или же тетради в скромных бумажных обложках, то часто встречаешь его стихотворения. В сборниках конца XVIII — начала XIX века они помещены рядом с баснями Дмитриева, стихотворениями В. В. Капниста, поэмой И. Ф. Богдановича «Душенька». Создания поэтической фантазии Василия Львовича органично входят в мир сентиментальной поэзии, которая привлекала читателей изящными образами, изысканными аллегориями, идеалом счастливой уединенной жизни.

В 30-е годы XIX века стихотворения В. Л. Пушкина также переписывали, но, во-первых, реже, а во-вторых, помещали их уже в ином соседстве — рядом с произведениями А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, А. А. Дельвига, Д. В. Давыдова, Н. М. Языкова. Так, некая С. А. Златодубровская записала в принадлежащей ей тетради, названной «Разные стихи» и помеченной 12 ноября 1832 года, на 64-м листе философское стихотворение Е. А. Баратынского «Дорога жизни», на следующем, 65-м листе — стихотворение А. С. Пушкина «Возрождение», а недалеко от него — басню В. Л. Пушкина «Богач и бедняк», в которой бедняк, истративший по-

следний рубль, чтобы приобрести лотерейный билет, отвечает на упреки богача:

Винить меня ты волен,
Надежду я купил и тем пока доволен[3].

Не правда ли, неожиданный для нас контекст?

Еще любопытнее встречать стихотворения Василия Львовича на страницах альбомов его современников и современниц (если рукописные сборники стихов встречаются иногда и в наше время, то альбомы стали достоянием истории).

Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом.

Пушкинское описание (его можно отнести и к альбому барышни московской) настолько верно, что когда их смотришь, то кажется, будто они появились уже после того, как были написаны эти строки из «Евгения Онегина»: здесь действительно находишь «два сердца, факел и цветки»; здесь много чувствительных записей, которые сегодня часто кажутся смешными; здесь много наивных, беспомощных стихотворений. Впрочем, среди них встречаются не только стихотворения поэтов-дилетантов.

В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я,—

говорит А. С. Пушкин, сравнивая непритязательные альбомы простодушных уездных барышень и великолепные альбомы светских дам:

Когда блистательная дама
Мне свой in-quarto подает,
И дрожь и злость меня берет,

Альбом есть памятник души:
Но скромность многого сказать не дозволяет.
Пусть прозорливый ум всю тайну разгадает —
И, что я чувствую, сама ты напиши.

В. Пушкин

И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши!

Василий Львович был рад писать всем: он спешил украсить мадригалами альбомы молоденьких барышень и светских дам, охотно вписывал свои поэтические творения знакомым и друзьям, никогда не отказывался оставить автограф приятелям-литераторам. И всегда стихотворения Василия Львовича попадали в своеобразный контекст альбомной культуры XIX века. Их окружали пухлые амуры, сердца, розы и незабудки, нарисованные старательной, но неумелой рукой. Иногда же они, напротив, соседствовали с мастерскими рисунками — романтическими итальянскими пейзажами, остроумными карикатурами. Рядом помещались чувствительные сентенции, выписанные из Руссо и Карамзина, стихотворения, оставленные авторами, имена которых нам ни о чем не говорят, и стихотворения поэ-

тов, творчество которых известно нам и любимо нами сегодня. В альбомной поэзии, одним из творцов которой был и Василий Львович, отражалась личность писавшего, его отношения к владельцу, а также история, литература и быт эпохи. В этом плане весьма занимателен альбом П. И. Шаликова, находящийся ныне в Пушкинском доме. Переплетенный в красный сафьян с золотым тиснением, он, правда, заполнен, главным образом, самим хозяином, но его записи чрезвычайно характерны для этого вида поэзии: это стихотворные надписи к портретам Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, Д. В. Давыдова, эпиграмма на М. Н. Загоскина, мадригал Е. С. Семеновой, стихотворение «К памятнику собачки, принадлежавшей Катерине Владимировне Апраксиной», «Эпитафия коту И. И. Дмитриева». Здесь же — стихотворения П. А. Вяземского и К. Н. Батюшкова*, обращенные к П. И. Шаликову. И здесь же — автографы В. Л. Пушкина. Вот одно из его стихотворений, примечательное тем, что в нем Василий Львович запечатлел свой литературный автопортрет (еще один):

Во всем, любезный князь, я сходствую с тобой!
Ты служишь Музам, Аполлону!
Амура резвого подвластен ты закону
И женщин раб, под час иной.
Я те же слабости имею;
И в старости хвалить еще красавиц смею,
И не страшусь любви оков;

---

* Любопытно, что К. Н. Батюшков в своем стихотворении цитирует «Опасного соседа»:

Нет, нет — в стране иной,
Где ввек не повстречаюсь с вами:
В пыли, в грязи, на тряской мостовой,
В картузе с козырьком, с небритыми усами,
Как Пушкина герой,
Воспетый им столь сильными стихами.

На лире я пою в сердечном восхищенье,
Не гаснет и теперь мое воображенье,
И мне знаком язык богов![4]

В. Л. Пушкин вписывал в альбомы и стихотворения, сочиненные им ранее, и экспромты, которые он создавал тут же, в гостиной, отвечающие сиюминутной ситуации, просьбе, разговору. Вообще Василий Львович бы мастером стихов «на случай», и в этом он также выступал творцом литературного быта своего времени. Московские праздники, торжественные собрания, спектакли запечатлевались в его произведениях. Крестины, именины, свадьбы, похороны — все давало пищу его поэтическому творчеству. Посылка книги, уличная сценка, забавное происшествие — все служило поводом для написания стихотворения. Сегодня, когда мы читаем его стихи «на случай», то перед нами возникает картина жизни в ее мелочах, в отдельных, как правило, узколичных событиях, но интересных для нас и занимательных: без них наше представление о той эпохе, о литературном быте пушкинского времени было бы неполным.

П. А. Вяземский собирается в дорогу. Василий Львович напутствует его своим экспромтом:

Скажу тебе я на дорогу,
Поэт-остряк, теперь одно:
Пой, веселись и пей вино,
Молись о нас почаще богу,
Чтоб мы увиделись с тобой!
Ты нужен нам, любезный мой[5].

Жена П. А. Вяземского Вера Федоровна — именинница. Василий Львович из-за подагры приехать на именины не может. Он посылает супругам забавное стихотворение, построенное на игре слов «Вера» и «вера»:

Дидероты и Вольтеры
Утверждали, что без веры
Можно нам на свете жить;
Ты, мой друг, хоть их читаешь,
Но чтишь веру, обожаешь,
И всем можешь говорить,
Что философов примеры
Нас к блаженству не ведут.
Они часто вздор несут!
Твое счастье — жить для Веры[6].

Увидев из окна своего дома, как полицейский арестовывает пьяную бабу, он тотчас пишет маленькое стихотворение в духе «Опасного соседа»:

Что вижу? Страж ночной, могучею рукою
Схватив дщерь Вакхову, на съезжую помчал.
Ни перси нежные, ни щек ее коралл,
Ни черные власы — над хладною душою
Ничто не действует! Он скачет на коне
И высечет ее, как мнится мне.

Экспромт Василия Львовича сохранил бывший у него в гостях Шаликов. Он же напечатал в 60-м номере «Московских ведомостей» за 1820 год французские стихи В. Л. Пушкина — катрен, поднесенный им певице Каталани на концерте в зале Благородного собрания. Забавно, что Шаликов также написал катрен, посвященный этой «царице пения», и, соревнуясь со своим приятелем, развозил его по московским гостиным. Дмитриев писал по этому поводу 19 сентября 1820 года Вяземскому: «Не знаю, дошли ли до вас их катрены. Вот третий:

Что Шаликов сказал в газетах Каталани?
Что у него язык присох к гортани.
Безмолвствовать: вот дань тебе!

О баронесса! ради балов,
Когда мы все глядим на вас,
Взгляните на меня хоть раз
В награду прежних мадригалов.

А. Пушкин

А Пушкин что промолвил ей?
Что у него глаза и пара есть ушей»[7].

Еще один пример стихов В. Л. Пушкина «на случай». 27 марта 1820 года Василий Львович сообщает Вяземскому:

«Шаховской в Москве, ездит по домам и читает какого-то *Пустодома,* новую комедию плодовитой своей музы. Третьего дня он читал ее в доме Андрея Семеновича Кологривова; креслы под огромною тушею Гашпара подломились, он упал вверх ногами, панталоны лопнули <...>

Я на этот случай написал следующую эпиграмму:

Читая Пустодома,
Несчастный жребий свой наш
Гашпар предузнал,
Партера грозного он не дождавшись
грома,
Осмеянный — упал»[8].

Стихотворения Василия Львовича «на случай» сохранились в его письмах и в бумагах его адресатов, но они встречаются также в дневниках и мемуарах его друзей и современников. Так, Вяземский приводит в «Старой записной книжке» стихотворную реплику Василия Львовича на неудачное представление трагедии Вольтера в доме Апраксиных:

Гусмана видел я, Альзиру и Замора.
Умора[9].

С. П. Жихарев, ставший впоследствии товарищем В. Л. Пушкина по «Арзамасу», оставляет в своем дневнике 9 октября 1805 года следующую запись:

«Намедни какой-то помещик Перхуров, отставной прапорщик и громогласный толстяк, в великом раздражении на французов кричал в Английском клубе: «Подавай мне этого мошенника Буонапартия! Я его на веревке в клуб приведу». Услышав грозного оратора, Иван Александрович Писарев, только что приехавший из деревни, скромный тихоня, спросил у Василия Львовича Пушкина: не известный ли это какой-нибудь генерал и где он служил? Пушкин отвечал экспромтом:

Он месяц в гвардии служил
И сорок лет в отставке жил,
Курил табак,
Кормил собак,
Крестьян сам сек —
И вот он в чем провел свой век!

Иван Иванович* говорит, что Пушкин и не воображает, какая верная и живая биография Перхурова заключается в его экспромте»[10].

В том, что стихи Василия Львовича считали нужным

* И. И. Дмитриев.

записать в дневнике, в том, что их вспоминали спустя много лет, можно усмотреть высокую оценку остроумия московского поэта.

Большой популярностью пользовались не только экспромты В. Л. Пушкина. В московских гостиных читались и обсуждались его буриме — стихи на заданные рифмы (не случайно Л. Н. Толстой упомянул об этом в «Войне и мире» как о характерной черте быта допожарной Москвы). В подобной литературной игре Василий Львович не имел себе равных. Правда, иногда не обходилось без курьезов. М. А. Дмитриев, племянник И. И. Дмитриева, рассказал со слов последнего о таком эпизоде:

«Однажды Василий Львович Пушкин, бывший тогда еще молодым автором, привез вечером к Хераскову новые свои стихи. «Какия?» — спросил Херасков. — «Рассуждение о жизни, смерти и любви»,— отвечал автор. Херасков приготовился слушать со всем вниманием и с большою важностью. Вдруг начинает Пушкин:

Чем я начну теперь?— я вижу, что баран
Нейдет тут ни к чему, где рифма барабан.
Вы лучше дайте мне зальцвасеру стакан
Для подкрепленья сил! Вранье не алкоран
и проч.

Херасков чрезвычайно насупился и не мог понять, что это такое! Это были bouts-rimés, стихи на заданные рифмы, которые можно найти в собрании Русских стихотворений, изданных в 1811 году Жуковским. Важный хозяин дома и важный поэт был не совсем доволен этим сюрпризом, а Пушкин очень оробел»[11].

Буриме В. Л. Пушкина не понравились не только поэту-классику М. М. Хераскову, но и поэтам-романти-

кам арзамасцам. Когда он прислал им в Петербург дорожное стихотворение, написанное на заданные рифмы, они сочли его недостойным творца «Опасного соседа», старосты «Арзамаса» и наказали тем, что из «Вот» (арзамасская кличка московского поэта) переименовали в «Вотрушку». Справедливости ради скажем, что для того, чтобы писать буриме, нужны поэтическая находчивость и остроумие, которыми Василий Львович, несомненно, обладал.

В. Л. Пушкин и по своему характеру, веселому и общительному, и по особенностям поэтического дарования всегда был расположен к шутке, к игре. Эти его качества были приняты во внимание, когда его принимали в «Арзамас». Арзамасцы специально для Василия Львовича придумали ритуал, пародирующий обряд вступления в масонскую ложу (а В. Л. Пушкин был еще и масоном). Каждый, кто читал «Войну и мир», помнит церемонию посвящения Пьера Безухова в масоны: его водили по комнатам с завязанными глазами, заставили

И ножка женщины, конечно,
Не хуже головы мужской,
Набитой спесью, чванством вечно
И тем не менее пустой.

П. Шаликов

снять фрак, жилет и левый сапог в знак повиновения, приставляя ему к груди шпагу; Пьер видел гроб с костями, лампаду, зажженную в черепе, малый и большой свет, слушал поучения. Подобным же испытаниям подвергался и Василий Львович, вступающий в «Арзамас». Кроме того, обряд был наполнен литературными аллегориями, остроумными намеками на литературных противников — участников «Беседы любителей русского слова». Арзамасец Ф. Ф. Вигель в своих «Записках» рассказал:

«Его (В. Л. Пушкина.— *Н. М.*) возвестили, что непосвященные в таинства нашего общества не иначе в него могут быть приняты, как после довольно трудных испытаний, и он согласился подвергнуть им себя. Вяземский успел уверить его, что они совсем не безделица, и что сам он весьма утомился, пройдя через все эти мытарства. Жилище Уварова, просторное и богато убранное, могло одно быть удобным для представления затеваемых комических сцен. Как странствующего в мире сем без цели, нарядили его в хитон с раковинами, надели ему на голову шляпу с широкими полями и дали в руку посох пелерина. В этом наряде, с завязанными глазами, из парадных комнат по задней, узкой и крутой лестнице свели его в нижний этаж, где ожидали его с руками полными хлопушек, которые бросали ему под ноги. Церемония потом начавшаяся продолжалась около часа; то обращались к нему с вопросами, которые тревожили его самолюбие и принуждали морщиться; то вооружали его луком и стрелою, которую он должен был пустить к чучелу с огромным париком и с безобразною маской, имеющую посреди груди написанный на бумаге известный стих Тредьяковского:

Чудище обло, озорно, трезевно и лаяй.

Сие чудище, повергнутое после выстрела его на пол и им будто побежденное, должно было изображать дурной вкус или Шишкова. Потом заставили его, поддержанного двумя аколитами, пронести на блюде огромного замороженного гуся, а после того... всего не припомню. Между всеми этими проделками члены произносили ему речи назидательные, ободрительные или поздравительные. В заключение из темной комнаты, в которой он находился, в другую длинную, ярко освещенную, отдернулась огненного цвета занавесь, ее скрывавшая, он с торжеством вступил в собрание и сказал речь весьма затейливую и приличную. Когда после я спросил его, не досадовал ли он, не скучал ли он сими продолжительными испытаниями? Совсем нет, отвечал, c'étaient d'aimables allégories*».

Ф. Ф. Вигель забыл о некоторых небезынтересных для нас подробностях — их мы находим в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского, в записках М. А. Дмитриева, в протоколах «Арзамаса».

Один из моментов шуточного обряда, совершаемого над Василием Львовичем, заключался в том, что его положили на диван и накрыли множеством шуб: это был намек на поэму А. А. Шаховского «Расхищенные шубы».

Василию Львовичу подносили серебряную лохань и рукомойник умыть лицо и руки, объясняя, что это «прообразует» комедию А. А. Шаховского «Липецкие воды».

Речи, обращенные к новому члену «Арзамаса», произносили Светлана (В. А. Жуковский), Резвый Кот

* это были приятные аллегории *(фр.)*.

(Д. П. Северин), Чу (Д. В. Дашков), Кассандра (Д. Н. Блудов), Асмодей (П. А. Вяземский)*. Во всех речах были использованы выдержки из сочинений Василия Львовича, направленных против шишковистов; каждый из говоривших непременно старался упомянуть или процитировать «Опасного соседа». Так, обращаясь к В. Л. Пушкину, лежавшему «под сугробом шуб прохладительных», Жуковский восклицал: «И не спасла его Муза, девственная матерь Буянова!»[12] Приветствуя нового члена «Арзамаса», выстрелившего в чудище — дурной вкус, Д. П. Северин наставлял его: «Гряди подобно Данту: повинуйся спутнику твоему: рази без милосердия тени Мешковых и Шутовских и помни, что

Прямой талант везде защитников найдет».

Эту же строку из «Опасного соседа» процитировал и Вяземский, произнося речь «по заключении всех испытаний»: «Ты, победивший все испытания, ты, переплывший бурные пучины Липецких вод на плоту, построенном из деревянных стихов угрюмого певца с торжественным флагом, развевающим по воздуху бессмертные слова:

Прямой талант везде защитников найдет».

На следующем заседании арзамасцев было решено «его превосходительство Вот** произвести в старосты

* Прозвища членов «Арзамаса» взяты из баллад В. А. Жуковского: Светлана — из «Светланы»; Резвый Кот — из «Пустынника»; Чу — из многих баллад, в которых эта частица часто повторяется; Кассандра — из «Кассандры»; Асмодей — из «Громобоя».

** Прозвище В. Л. Пушкина «Вот» взято из баллады В. А. Жуковского «Светлана».

Арзамаса, с приобщением к его титулу двух односложных слов я и вас, так что он впредь будет именоваться Староста Вот я Вас!». В протоколе заседания определялись привилегии старосты:

«I-е. Голос его в различных прениях имеет силу трубы и приятность флейты: он убеждает, решает, трогает, наказует, осмеивает, пленяет и прочее, и прочее.

II-е. Он первый подписывает протокол и всегда с приличною размашкою.

III-е. Вытребовать у него список известной его проказы с веселою Музою, именуемой Опасный сосед, переписать ее чистым почерком, переплести в бархат и признать ее арзамасскою кормчею книгою.

IV-е. За ужинами арзамасскими жарить для него особенного гуся, оставляя ему на произвол или скушать его всего, или, скушав несколько ломтей, остаток взять с собой на дом. От всех сих гусей отрезываются куски и остаются при бумагах собрания.

V-е. Место его в заседаниях должно быть подле президента, а вне заседания в сердцах у друзей его».

Вигель считал, что избрание В. Л. Пушкина старостой «Арзамаса» было вызвано желанием его друзей (а все они были многими годами его моложе*) отличить Василия Львовича, оказать ему особый почет и уважение. Это так, но здесь нужно учесть и другое. В Василии Львовиче арзамасцы видели «знаменитого Буяна

* Так, П. А. Вяземский, к которому В. Л. Пушкин питал особенную привязанность, был на двадцать два года его моложе. Посмеиваясь над пристрастием Василия Львовича к молодежи, «Дмитриев говаривал о нем, что он кончит тем, что будет дружен с одними грудными младенцами, потому что чем более стареет, тем все более сближается с новейшими поколениями».

посреди халдеев, героического баснописца и знаменитого стихотворного посланника». Кроме того, он был человеком, способным объединять, сближать людей, был ценителем и любителем веселой шутки, литературной игры, пародии и в этом плане также как нельзя лучше подходил для роли старосты «Арзамаса» — литературного общества, пародирующего торжественные заседа-

Кучер и блинник

Хлебник

ния «Беседы любителей русского слова» и произведения ее участников.

Москвича В. Л. Пушкина принимали в «Арзамас» в Петербурге, но это событие стало фактом и литературной жизни Москвы, потому что Василий Львович с восторгом рассказывал о нем во всех знакомых московских домах, делая своих слушателей как бы соучастниками этого литературного действа. Когда же за дорожные стихи арзамасцы разжаловали Вота в Вотрушку, в Москве проводилось чрезвычайное собрание московских членов «Арзамаса», на котором Д. В. Дашков произнес

речь в защиту старосты. Вслед за тем петербургские арзамасцы на заседании прочитали обращенное к ним послание обиженного Василия Львовича:

«Я грешен! Видно, мне кибитка не Парнас:
Но строг, несправедлив ученый Арзамас.

При этом стихе самолюбие заиграло в сердцах всех членов: сам президент, волнуемый аппетитом и запахом жареной телятины, имел, однако, силу легкой улыбкой изъявить свое удовольствие.

Я слух ваш оскорбил, вы оскорбили друга!

Нет, добрый, милый Староста! Нет, ты нами не оскорблен, ибо мы не имели намерения оскорбить тебя; мы отказались бы охотно от всех проказ и шуток, даже от новых стихов твоих, если бы могли думать, что огорчим твое сердце слишком чувствительное.

Что прибыли любить!
Здесь острое словцо приязни всей дороже,
И дружество почти на ненависть похоже.

Прекрасные стихи и, к несчастью, справедливые, но только не в Арзамасе, а в свете.

Нет бурных дней моих на пасмурном закате.

Вот еще стих, достойный арзамасца: он говорит и воображению и сердцу. Но можно ли заметить все хорошие стихи нашего Старосты или записать все одобрительные восклицания членов Арзамасского общества. <...> Наконец, все воскликнули: Очищен наш брат любимый; очищен и достоин снова сиять в Арзамасе: он не Вотрушка; он член: Вот, он Староста: Вот я Вас, пусть он будет <...> Вот я Вас опять!

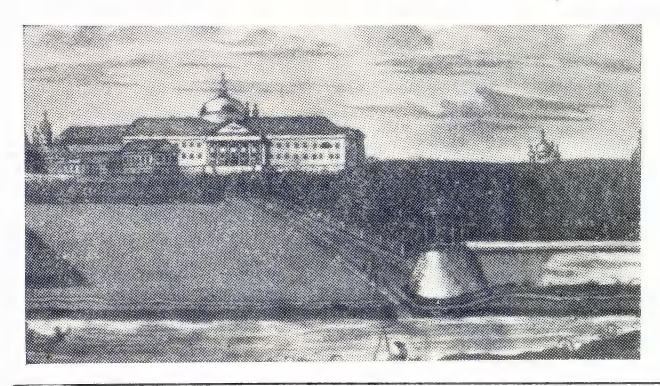
<...>

Так судили арзамасцы под ясными небесами царскосельскими и, решив сие важное дело, заключили заседание громким кликом: «Да здравствует Вот я Вас опять! Беседа трепещи: опять! опять!» И Василий Львович снова ездил по Москве и всем радостно рассказывал об этом новом своем почетном отличии, полученном от «Арзамаса».

Избрание В. Л. Пушкина старостой «Арзамаса» не мешало ему аккуратно посещать заседания Общества любителей российской словесности, читать там свои и чужие стихотворения.

Общество любителей российской словесности было основано в 1811 году при Московском университете с целью «распространять сведения о правилах и образцах здравой словесности и доставить публике обработанные сочинения в стихах и прозе на российском языке, рас-

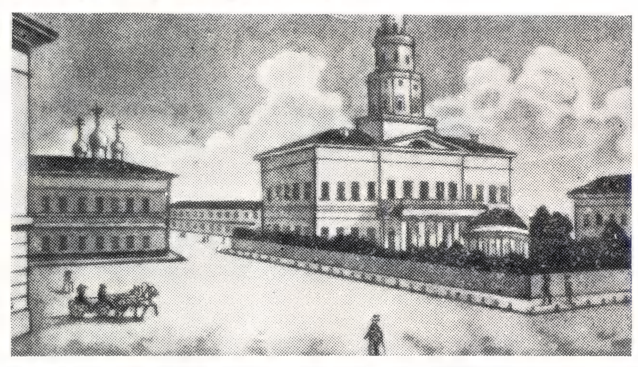
Вид Голицынской больницы.

смотренные предварительно и прочитанные в собрании». В. Л. Пушкин, как и профессора университета А. Ф. Мерзляков и М. Т. Каченовский, был одним из учредителей общества, но это отнюдь не означает, что он был их единомышленником: в 1816 году членом Общества любителей российской словесности стал К. Н. Батюшков, в 1817 году на его собраниях со своими стихами выступал В. А. Жуковский, и эти собрания в Москве также сделались ареной борьбы шишковистов и карамзинистов. Так, 27 марта 1818 года Василий Львович писал Вяземскому:

«Не знаю, дошла ли до тебя весть о том, что происходило в последнем собрании нашего ученого общества? Мерзляков читал письмо какого-то Анонима, возмущающегося против экзаметров, баллад, одним словом ругал нашу Светлану, сколько душе его хотелось. Вот до чего доводит зависть! Господин профессор, забыв, что Жу-

Вид бывшего обер-полицмейстерского дома.

ковский сам присутствует в собрании, вздумал давать ему уроки, и министр просвещения, попечитель университета, И. И. Дмитриев и многие другие были слушателями. На другой день он явился к приятелю нашему с извинением, и тот, по доброте души своей, простил его. — Я страшно был сердит на нового Зоила, и с тех пор еще с ним не встречался»[13].

...Если вы придете на улицу Карла Маркса — бывшую Старую Басманную, то найдите одноэтажный дом, обшитый деревянными досками, с девятью окнами. Здесь, в этом доме под номером 36, который был когда-то нарядным ампирным особняком, жил Василий Львович Пушкин. Внешне его жилище ничем не выделялось среди других домов, в которых селилось дворянство, хотя в Москве были куда более просторные особняки, богато украшенные, с фронтонами и колоннами, с бельведерами и боковыми флигелями, с тенистыми садами за узорными оградами. И убранство комнат Василия Львовича тоже, наверное, ничем существенно не отличалось от того, что можно было увидеть у его современников: стулья и кресла из карельской березы или красного дерева, золоченые бронзовые часы, штофные полосатые обои. И все же дом В. Л. Пушкина (будь то сохранившееся до наших дней здание или же другие особняки, которые занимал он в Басманной части*) был особен-

* По основанным на архивных материалах сведениям, которые нам сообщил С. К. Романюк, В. Л. Пушкин в 1817—1818 гг. нанимал дом у московской купеческой жены В. П. Сокольниковой в Добросободском переулке Басманной части (д. 13), в 1820—1821 гг.— у титулярной советницы Е. С. Сокольской в Денисовском переулке Басманной части (д. 12), в 1824—1826 гг.— у титулярной советницы П. В. Кетчер на Старой Басманной улице (д. 36), в 1826—1830 гг. жил в собственном доме на Старой Басманной улице (д. 28), достав-

ным. Здесь все дышало литературой. Московский поэт жил поэзией, литературными интересами, книгами — в три ряда стояли они на полках его огромной, но худо размещенной, вследствие тесноты дома, библиотеки. И быт Василия Львовича был истинно литературным. Начнем хотя бы с того, что, приглашая своих друзей к обеду или ужину — а он часто собирал их у себя дома, — хозяин писал им записочки непременно в стихах:

В среду кума ожидаю
И любезнейших гостей;
К сердцу вас прижать желаю
В скромной хижине моей.
Позабуду все страданья,
И подагру, и беды.
Руку, милый! До свиданья!
До веселой середы!

После смерти Василия Львовича Шаликов выпустил в 1834 году адресованные ему записочки — это была довольно объемистая книга. Сам В. Л. Пушкин, однако, не придавал им литературного значения и предостерегал в свое время приятеля:

С тобой беседовать приятно мне стихами.
Но, чур, стихов моих в печать не отдавать!
К чему холодным людям знать,
Что происходит между нами?
Мы шутим, друг друга любя,
И я пишу лишь только для тебя,
Совсем не для судей холодных,
Критиковать всегда готовых и способных.

шемся ему по завещанию сестры А. Л. Пушкиной в 1825 году. Этот последний дом был оформлен В. Л. Пушкиным дарственной на имя А. Н. Ворожейкиной.

Василий Львович оказался прав. В № 112 «Северной пчелы» за 1834 год появилась язвительная заметка, в которой говорилось, что изданные записки примечательны лишь тем, что «писавший их все жаловался на недостаток Дамского журнала и, по-видимому, большой охотник до цветочного чая, говорил почти в каждой записке что-нибудь о чайнике или самоваре»[14]. И. И. Дмитриев, назвав их презрительно «цидулками в стихах», полагал, что П. И. Шаликов оказал покойному поэту плохую услугу: «Содержание каждой одно и то же — постоянное приглашение к обеду. Не знаю, что было побудительною причиною сего издания: дань ли чувствительного сердца, или пример Лафонтенова Медведя»[15].

Однако для современных исследователей литературного быта Москвы прошлого века эти записки чрезвычайно интересны, так как за стихотворными приглашениями Василия Львовича к обеду и ужину выступает стиль общения, угадывается характер взаимоотношений литераторов, собиравшихся в доме московского поэта.

Сегодня у меня литературный ужин;
К обеду не зову, а вечером ты нужен.
С тобой знакомым быть желает наш барон,
И Вяземский готов всем сердцем примириться:
Не знает злобы он.
А ежели случится,
Что будет Полевой,
Не убегай его, о кум любезный мой!
В моем дому все будет ладно.
Откажешь,— будет мне прискорбно и досадно.

Прокомментируем эту записку Василия Львовича к Шаликову. «Наш барон» — барон А. А. Дельвиг. Вя-

Тщеславие тебя цветами
Прилежно будет убирать,
И много лет пред зеркалами
Придется потерять.

А. Дельвиг

земский «готов всем сердцем примириться» с Шаликовым, потому что между ними существовала неприязнь, вызванная насмешками Петра Андреевича, который в одном из стихотворений начертил такую карикатуру на франтоватого поэта-сентименталиста:

С собачкой, с посохом, с лорнеткой
И с миртовой от мошек веткой,
На шее с розовым платком,
В кармане с парой мадригалов
И чуть звенящим кошельком
Пустился бедный наш Вздыхалов
По свету странствовать пешком[16].

Понятно, что для того, чтобы встретиться с Вяземским, Шаликову нужны были уверения Пушкина в том, что его гонитель «не знает злобы».

Что же касается Н. А. Полевого, от которого может, как предполагал Василий Львович, убежать его «любез-

ный кум», то в данном случае нужно вспомнить о конкуренции и взаимных нападках издателя «Московского телеграфа» — Полевого и издателя «Дамского журнала» — Шаликова.

Характерно, что гостеприимный хозяин готов всех примирить. Он уверен в том, что это вполне осуществимо: «В моем дому все будет ладно».

Гостям Василия Львовича прислуживал уже знакомый нам камердинер Игнатий Хитров. Он сочинял стихи (слуга поэта — поэт — обстоятельство, само по себе достаточно примечательное).

Василий Львович развлекал гостей чтением своих и чужих стихотворений, обсуждал с ними литературные и театральные новинки. О том, насколько его домашний быт был наполнен постоянными разговорами о литературе, свидетельствует чрезвычайно интересный документ — стихотворное послание камердинера Игнатия Хитрова к «поету прекрасному» П. А. Вяземскому. Отправляя 3 января 1820 года это послание в Варшаву, В. Л. Пушкин сопроводил его таким пояснением:

«Игнатий мой совершенно с ума сошел. Он бредит стихами и написал тебе послание, которое непременно просил меня тебе доставить. Каково оно тебе покажется. Вот печать его ума, и я тебя уверяю, что он теперь думает стоять на равных с лучшими нашими стихотворцами»[17].

Сохраняя орфографию автора, приводим отрывок, где представлена почти вся русская литература конца 10-х годов прошлого века в тех оценках, которые камердинер мог слышать от своего хозяина:

Дуракам сочинять не нада
Почтенному Карамзину награда
А Жуковскому досада
Хвостов сочиняет
Поетов и авторов не знает
Только бумагу марает.
А Батюшков его стихи поправляет
Князь Шаликов по Марьиной роще
гуляет
Красотой своей девушек пленяет.
Жена его ничего не знает.
А Измайлов над собачкой слезы
проливает.
Поет Крылов басни сочиняет
Всякой его знает.
<...>
Шаховской комедию писал
Что ему автор сказал
Ты комедии пиши
Людей не смеши[18].

Конечно, В. Л. Пушкин угощал своих гостей не только литературными разговорами — недаром он гордился своим поваром. Но главным и для него, и для его друзей оставалось все же само общение. «Вяземский утверждает, — писал Василий Львович 16 января 1819 года А. И. Тургеневу, — что у меня за обедом птицы райские и рыбы заморские, но это шутка. Я даю только обеды для тех, кого люблю душевно»[19].

Приближься, Вяземский, ко мне!
Тебе я счастия желаю;
Авось либо в чужой стране
Попью с тобой и погуляю;
<...>
Гусар отважный и поэт,
И ты в Москве опять с друзьями!

Ты будешь пить чрез сорок лет,
А мне качать недолго с вами.

Кроме П. А. Вяземского и гусара-поэта Д. В. Давыдова, в доме В. Л. Пушкина бывали В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг — цвет русской поэзии прошлого века, и можно только удивляться тому, что их встречи у дядюшки великого

Разносчик сапог и башмаков

Разносчик бюстов

поэта не привлекли еще специального внимания исследователей.

Частыми гостями Василия Львовича были И. И. Дмитриев и П. И. Шаликов; появлялся у него и Н. А. Полевой.

В одном из писем В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому я прочла:

«На этих днях был у меня Мицкевич, мы говорили о тебе и сожалели, что ты не с нами. Он отправляется в Дрезден, а оттуда в Италию или, может статься, в Париж смотря по обстоятельствам»[20].

Итак, и великий польский поэт бывал в доме Василия Львовича. И может быть, он читал здесь свои стихи, выступал со знаменитыми импровизациями.

В доме на Старой Басманной бывал и А. С. Пушкин.

Но какие взаимоотношения установились между дядей и племянником? Были ли у них не только родственные, но и творческие связи? И если сегодняшнее представление об этом часто сводится к тому, что Василий Львович отвез своего племянника в Лицей, одним из первых заметил и оценил его литературное дарование, был всегда благожелательным родственником, то можно ли ограничиться этими хрестоматийными сведениями?

До сих пор мы лишь косвенно затрагивали заданные вопросы. Но наша следующая глава посвящена именно им. В ней мы попытаемся увидеть дядю глазами племянника, а племянника — глазами дяди, попробуем объединить эти два плана воедино, скрепив их сюжетным стержнем — жизнью и творчеством А. С. Пушкина. Заканчивая же эту главу, мы приведем отрывок из «Записок» А. А. Кононова, рассказавшего об одном из вечеров 1829 года у В. Л. Пушкина, где присутствовал его племянник:

«Однажды мы сидели в кабинете Василия Львовича: он, Михайло Александрович Салтыков*, Шаликов и я; отворилась дверь, вошел новый гость, черты лица которого два года тому назад (при встрече в театре) так врезались мне в память и еще более утвердились в ней портретом Кипренского: это был А. С. Пушкин. Поэт обнял дядю, подал руку Салтыкову и Шаликову; Васи-

* М. А. Салтыков — почетный член «Арзамаса», отец жены А. А. Дельвига.

лий Львович назвал ему меня, мы раскланялись. Все сели; начался разговор. Александр Сергеевич рассказывал все, что я после читал в статье его: «Поездка в Арзрум». Между тем князь Шаликов присел к столу и писал; «Недавно был день вашего рождения, Александр Сергеевич,— сказал он поэту. — Я подумал, как никто не воспел такого знаменательного дня и написал вот что». Он подал бумагу Пушкину; тот прочитал, пожал руку автору и положил записку в карман, не делая нас участниками в высказанных ему похвалах»[21].

«МОЙ ДЯДЮШКА»

V

ГЛАВА

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!

Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

8 сентября 1826 года А. С. Пушкин приехал в Москву из Михайловского. Трагические события 14 декабря 1825 года, казнь руководителей восстания предшествовали его возвращению из ссылки. Он был доставлен в Чудов дворец Кремля — там состоялась беседа поэта с новым царем Николаем I:

— Пушкин, принял бы ты участие в 14-м декабря, если б был в Петербурге?

— Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем.

Из дворцовых покоев А. С. Пушкин поспешил в дом на Старой Басманной улице к дяде Василию Львовичу.

Дядя и племянник не виделись десять лет — с 1816 года, когда В. Л. Пушкин приехал в Царское Село к поэту-лицеисту вместе с С. Л. Пушкиным, Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, А. И. Тургеневым. С тех пор дядя заметно постарел, перемена в его внешности поразила Александра Сергеевича, и несколько позже, в ноябре 1826 года, он дважды зарисовал в рабочей тетради его профиль: старый человек, с запавшей верхней губой, с редкими, едва прикрывающими лысину волосами. На этом же листе — виселица с повешенными и надпись: «И я бы мог».

И Василий Львович также видел перед собой нового Александра Пушкина. Он помнил юного лицеиста, еще только вступающего в жизнь и в литературу. А перед ним был уже сложившийся человек, поэт, признанный первым в России.

Возвращение в Москву открывало новый период в

жизни и творчестве А. С. Пушкина. 1826—1830-е годы — время мучительных поисков смысла жизни, своего общественного и литературного положения в условиях реакции, время осознания крупнейшего исторического события эпохи — восстания декабристов. Творчество А. С. Пушкина этих лет отмечено философскими мотивами в лирике, подступами к прозе, требующей, по его выражению, «мыслей и мыслей». Это годы странствий — Москва, Петербург, Михайловское, Арзрум... А. С. Пушкин возобновляет старые дружеские и литературные связи с П. А. Вяземским, П. Я. Чаадаевым, И. И. Дмитриевым, заводит новые знакомства — общается с молодым поэтом Д. В. Веневитиновым, А. Мицкевичем, хозяйкой самого блистательного литературного салона Москвы З. А. Волконской. На одном из московских балов он встречает свою будущую жену Н. Н. Гончарову.

А В. Л. Пушкин? В эти годы дядя — больной старик. Он почти не выезжает в свет. Но это не мешает ему по-прежнему жить литературой, быть по-прежнему добрым, приветливым и веселым. И встречи литераторов в его доме на Старой Басманной все так же привлекательны.

Об общении дяди и племянника в 1826—1830 годах рассказывают строки их писем; нет-нет да и мелькнет что-нибудь в переписке их друзей, в мемуарах современников; и произведения двух Пушкиных интересны и в этом отношении. Правда, все это лишь мозаика, которая не сложилась еще в законченную картину. Здесь нужны дальнейшие поиски и размышления. Пока же — следующие фрагменты:

«Вчера он у меня был, и сидел долго. Я его ласкою

5 Заказ 465

доволен»[1], — сообщал В. Л. Пушкин 26 марта 1829 года Вяземскому.

«Есть у меня больной дядя, которого почти никогда не вижу. Заеду к нему — он очень рад; нет — так он извиняет мне: повеса мой молод, ему не до меня!» — писал Александр Сергеевич в отрывке 1830 года «Участь моя решена. Я женюсь», который во многом носит автобиографический характер.

В. Л. Пушкин действительно был снисходителен к племяннику, всегда радовался его приходу. Однако А. С. Пушкин, вопреки своему же признанию, часто бывал у дяди. Об этом можно заключить хотя бы по тому, что к Василию Львовичу адресовывали корреспонденцию Александра Сергеевича.

В. С. Голицын, знакомый Александра Сергеевича, не застав его дома, отправил ему шутливое письмо, начинающееся стихотворной сценкой между гостем и слугой, который говорит о своем хозяине:

Не усидит никак приятель ваш на месте:
То к дяде на поклон, то полетит к невесте.

П. А. Вяземский в письме к жене от 19 декабря 1828 года упомянул об ужине у Василия Львовича, где Александр был с Ушаковыми.

А. А. Кононов, как мы уже говорили, вспоминал о вечере 1829 года в доме В. Л. Пушкина, на котором А. С. Пушкин, вернувшийся из путешествия в Арзрум, делился своими впечатлениями.

Встречи с В. Л. Пушкиным, их разговоры, дядины стихотворения и стихотворения о дяде — все это иногда находило отражение в произведениях А. С. Пушкина 1826—1830 годов.

Я в Париже;
Я начал жить, а не дышать —

эти слова Василия Львовича — героя стихотворной шутки Дмитриева — А. С. Пушкин поставил эпиграфом к первой главе «Арапа Петра Великого», определив тем самым тон насмешливого повествования о вызывавшем некогда восторги дяди парижском свете, правда, не XIX, а XVIII века.

В 1828 году А. С. Пушкин вместе с Вяземским и Жуковским принял участие в коллективном послании к В. Л. Пушкину:

Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович!
Буянов в старину, а нынешний Храбров*,
Меж проповедников Парнаса — Прокопович!
Пленительный толмач и граций и скотов,
Что делаешь в Москве, первопрестольном граде?
А мы печемся здесь о вечном винограде
И соком лоз его пьем здравие твое.

В 1829 году в эпиграмме на Н. И. Надеждина, в первой ее части, А. С. Пушкин пересказал переводную эпиграмму Василия Львовича — это был своеобразный комплимент дяде.

В. Л. Пушкин тем временем внимательно следил за творчеством племянника и критическими статьями о нем,

* А. С. Пушкин, по-видимому, интересовался новой поэмой дяди — «Капитаном Храбровым». «Василий Львович пишет романтическую поэму,— сообщал в 1828 году Е. А. Баратынский А. С. Пушкину.— Спроси о ней у Вяземского». И Александр Сергеевич, вероятно, сделал это, потому что на сей раз уже Вяземский писал ему: «Василия Львовича я еще не видел и потому ничего не могу сказать тебе о твоем новом двоюродном брате, капитане Храброве. Надобно теперь тебе и этого двоюродного братца официально признать, как и Буянова».

Наташа в обществах бывала,
Но и с хорошеньким лицом
Большою частью все молчала,
Всяк может согласиться в том...
В. Пушкин

радовался его успехам, его известности. Так, он спешил сообщить Вяземскому о том, что портрет Александра Сергеевича в «Северных цветах» «гравирован прекрасно», делился своим восторгом от «Полтавы», этого «превосходного творения».

А затем Василий Львович решил публично выразить свое восхищение поэзией племянника. В 1829 году в «Московском телеграфе» было напечатано его послание «К А. С. Пушкину»:

Очарователь и счастливец,
Сердца ты наши полонил
Своим талантом превосходным,
Все мысли выражать способным.
Руслан, Кавказский Пленник твой,
Фонтан, Цыганы и Евгений
Прекрасных полны вдохновений!
Они всегда передо мной,
И не для критики пустой
Я их твержу, для наслажденья.

Эта публикация носила и характер дружеской поддержки: Василий Львович знал о нападках на племянника в журналах — недаром он закончил свое стихотворение словами о журналисте-зоиле:

Зоил достоин сожаленья;
Он позабыл, что не вредна
Граниту бурная волна.

Василий Львович принимал близко к сердцу и житейские огорчения и радости племянника. Узнав о предстоящей свадьбе А. С. Пушкина, он писал, подчеркивая отдельные слова, П. А. Вяземскому: *«Александр женится.* Он околдован, очарован и *огончарован.* Невеста его, сказывают, милая и прекрасная. Эта свадьба меня радует»[2]. В мае 1830 года Петр Андреевич получил из Москвы и другое письмо — уже от А. С. Пушкина: «Дядя Василий Львович также плакал, узнав о моей помолвке. Он собирается на свадьбу подарить нам стихи».

Однако этот стихотворный подарок Александр Сергеевич получил раньше, чем ожидал,— ему он был обязан одним из эпизодов журнальной полемики, в которой и дядя — старый полемист — решил по-своему принять участие. Впрочем, на этом следует остановиться подробнее.

26 мая 1830 года в № 30 «Литературной газеты» было напечатано послание А. С. Пушкина «К вельможе» под названием «Послание к К. Н. Б. Ю***». К. Н. Б. Ю*** — это князь Н. Б. Юсупов, известный вельможа екатерининского времени. Дядя и племянник не раз бывали в его знаменитом подмосковном имении Архангельское.

Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.

Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине.

В. Г. Белинский не случайно считал послание «К вельможе» одним из лучших созданий пушкинского гения. В его герое — собеседнике Вольтера и Дидро, ценителе литературы и искусства, всех радостей бытия — критик увидел «изображение целой эпохи» «через контраст» с современностью. Однако современники этот замысел не поняли. В сатирическом приложении к «Московскому телеграфу» «Новый живописец» (№ 10, май 1830) появился написанный Н. А. Полевым фельетон «Утро в кабинете знатного барина». Секретарь Подлецов вручает князю Беззубову (в нем тотчас же все узнали Юсупова) печатный листок со стихами:

«Князь *(взглянув)*. Как! Стихи мне? А! это того стихотворца. Что он врет там?

Подлецов. Да, что-то много. Стихотворец хвалит вас; говорит, что вы мудрец: умеете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствам, ездили в какую-то землю только за тем, чтобы взглянуть на хорошеньких женщин; что вы пили кофе с Вольтером и играли в шашки с каким-то Бомарше...

Князь. Нет? Так он недаром у меня обедал»[3].

Князь Беззубов приказывает перевести стихотворение на французский, а стихотворца приглашать обедать еще: «Только не слишком вежливо обходись с ним; ведь эти люди забывчивы, их надобно держать в черном теле».

Эта публикация наделала много шума. Юсупов жаловался генерал-губернатору Москвы кн. Д. В. Голицыну. Полевому сделали выговор. Цензора С. Н. Глинку, пропустившего фельетон, отстранили от должности. Пе-

репечатку фельетона запретили. По Москве между тем поползли слухи: говорили, что Юсупов велел побить Полевого палками, А. С. Пушкина же обвиняли в низкопоклонстве.

Василий Львович был полон возмущения. «От Полевого житья нет,— писал он 28 июня 1830 года П. А. Вяземскому.— Читал ли ты *Утро в кабинете знатного Барина?* Князь Юсупов обруган, да и племяннику моему достается от злого и бранчливого журналиста. Его проучить должно не эпиграммами, а чем-нибудь другим. Он обещается выдать нам несколько томов своей истории в непродолжительном времени. Это будет пожива для литературной газеты, которую я читаю с большим удовольствием»[4].

Однако В. Л. Пушкин не стал дожидаться критики на Полевого в «Литературной газете». Он написал еще одно послание «А. С. Пушкину», в котором защищал своего племянника от нападок «злого и бранчливого журналиста»:

Послание твое к вельможе есть пример,
Что не забыт тобой затейливый Вольтер.
Ты остроумие и вкус его имеешь
И нравиться во всем читателю умеешь.
<...>
Пустые критики достоинств не умалят;
Жуковский, Дмитриев тебя и чтут, и хвалят;
Крылов и Вяземский в числе твоих друзей;
Пиши и утешай их музою своей,
Наказывай глупцов, не говоря ни слова,
Печатай им назло скорее Годунова.

Старый поэт подвергал осмеянию притязания Полевого — «журналиста сухого» — на роли великого историка и великого романиста — Нибура и Вальтера Скотта. Затем он прерывал свою критику:

Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,
Нелепая их брань, придирки и затеи!
Счастливцу некогда смеяться даже им.
Благодаря судьбу, ты любишь и любим.

Дядя сулил счастье племяннику в предстоящем браке и заканчивал послание наставлением:

Блаженствуй, но в часы свободы, вдохновенья
Беседуй с музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, язык обогащай
И вечно с миртами ты лавры съединяй.

Конфетчик и парикмахер

Саешник

А. С. Пушкин получил от дяди этот поэтический подарок с трогательной припиской: Je veux que cette Epître soit digne d'être adressé à un charmant Poète comme vous, et nargue des imbéciles et des envieux!»*

Послание «А. С. Пушкину» было последним стихотворением Василия Львовича — 20 августа 1830 года его

* «Я хочу, чтобы это послание было достойно такого поэта-чародея, как ты, и одновременно ударяло по глупцам и завистникам» *(фр.)*.

не стало. Племянник взял на себя хлопоты и расходы по похоронам. Вместе с братом рассылал он траурные билеты:

«Александр Сергеевич и Лев Сергеевич Пушкины с душевным прискорбием извещают о кончине дяди своего Василия Львовича Пушкина, последовавшей сего Августа 20 дня в 2 часа по полудни; и покорнейше просят пожаловать на вынос и отпевание тела, сего Августа 23 дня в приходе Св. Великомученика Никиты, что в Старой Басманной в 10 часов утра; а погребание тела будет в Донском монастыре»[5].

В. Л. Пушкина пришла хоронить вся литературная Москва: здесь были И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский, Н. М. Языков, М. П. Погодин, Н. А. Полевой, П. И. Шаликов. А. С. Пушкин нес гроб с телом дяди.

«Литературная газета», «Московские ведомости», «Дамский журнал», «Галатея» поместили некрологи. Среди прочих достоинств покойного отмечалось его влияние на А. С. Пушкина: «...сам его родной племянник, наш славный певец А. С. Пушкин, первыми одобрениями в занятиях словесности исключительно обязан доброму и благородному своему дяде. Мы помним то время, когда никто еще не знал Александра Сергеевича, и когда только начальные опыты сего Поэта появились в Российском Музеуме, изданном В. В. Измайловым; Пушкин дядя говаривал неоднократно: «Посмотрите, что будет из Александра!»[6]

«Смерть дяди моего, Василия Львовича Пушкина,— писал вскоре после похорон А. С. Пушкин,— и хлопоты по сему печальному случаю опять расстроили мои обстоятельства <...> На днях отправляюсь в нижегородскую деревню, дабы вступить во владение оной».

31 августа 1830 года поэт покинул Москву.

Началась знаменитая Болдинская осень, которая была отмечена и мыслью А. С. Пушкина о Василии Львовиче.

9 сентября 1830 года Александр Сергеевич писал из Болдина Плетневу, сообщая о последних словах «бедного дяди Василия»...

Словами об умирающем дяде А. С. Пушкин начинал в 1823 году одно из своих самых замечательных произведений: «Мой дядя самых честных правил...» Это была озорная шутка племянника, перефразировавшего басню И. А. Крылова «Осел и мужик» («Осел был самых честных правил»). Но уже в первой главе «Евгения Онегина» оказывалось, что это дядя не автора, а героя — «молодого повесы». Во второй главе дядя Онегина был представлен как деревенский старожил, сорок лет занятый наливками, бранью с ключницей, не оставивший после себя ни пятнышка чернил, ни книг — то есть человек, ничем не похожий на В. Л. Пушкина. В седьмой же главе, написанной в Болдине, появился действительно напоминающий Василия Львовича образ. В великосветской гостиной Татьяны

... был в душистых сединах
Старик, по-старому шутивший:
Отменно тонко и умно...

В Болдине написаны «Повести Белкина». В одной из них — «Гробовщике» — нашли отражение впечатления А. С. Пушкина от общения с московскими гробовщиками в связи с похоронами дяди. Не случайно герой повести гробовщик Адриян Прохоров переселяется с Басманной на Никитскую (на Басманной, как мы знаем, жил дядя А. С. Пушкина, на Никитской — его невеста

Н. Н. Гончарова). Не случайно среди рисунков к «Гробовщику» появляется профиль В. Л. Пушкина. Но дело не только в этом. Василий Львович всегда ценил шутку, пародию, и его племянник построил свою повесть на пародийной игре трагического и комического, возвышенного и низкого. Чего стоит, например, одна только вывеска, «изображающая дородного Амура с опрокинутым факелом в руке, с подписью: «Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашеные, также отдаются на прокат и починяются старые».

В «Истории села Горюхина» упоминается «Опасный сосед» — переписывание славной поэмы В. Л. Пушкина, «ходившей по рукам» между офицерами, дало возможность И. П. Белкину приобрести некоторый навык к стихам.

В Болдине А. С. Пушкин пишет «Мою родословную», и не исключено, что и это стихотворение также освящено памятью о дяде. Здесь уместно привести такой факт, конечно же, известный поэту: 29 октября 1799 года, в год рождения А. С. Пушкина, отставной поручик В. Л. Пушкин подал в Московское дворянское депутатское собрание прошение о внесении в «Общий гербовник дворянских родов» родового герба Пушкиных. В прошении были названы предки Пушкиных, начиная с Радши, выехавшего «во дни благоверного великого князя Александра Невского из немец».

В. Л. Пушкин сам теперь становился для А. С. Пушкина предком, историей. Не об этом ли думал поэт, когда в Болдине раскрыл альбом нижегородского помещика Д. А. Остафьева, чтобы оставить там обещанную запись? На страницах альбома он нашел много автографов Василия Львовича.

Чтобы любовь и Гименей
Вам дали целый рой детей,
Прелестных, резвых и пригожих
Во всем на мать свою похожих...

К. Батюшков

Послание «К Д. В. Дашкову», написанное в Нижнем Новгороде в 1813 году, когда московский поэт жил там во время нашествия Наполеона:

Увы! давно ли ныне,
Не зная мер гордыне
И алчности своей,
Природы бич, злодей,
Пришел с мечом в столицу —
Мать русских городов?

Ликующие куплеты на взятие русскими Парижа в 1814 году — они обращены к покоренным завоевателям и потому написаны на французском языке:

Messieurs, nour sommes à Paris,
Des Russes sont honnêtes.
Vous avez vu notre pays,
Nous allons voir vos fêtes,
La tragédie, et les ballets,
Brunet, le vaudeville,

Et nous vous ferons des couplets
Sans brûler votre ville*.

Еще басни «Японец», «Лев и его любимец», «Общипанный петух», игривое стихотворение «Завещание Киприды».

Отгремела Отечественная война 1812 года, ушла в прошлое поэзия В. Л. Пушкина, и его самого не стало. И может быть, поэтому А. С. Пушкин, прочитав дядины стихи в альбоме, написал в нем не свое стихотворение, а последние стихи Г. Р. Державина:

«Река времен в своем теченье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей;
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы...
1830 ноября 26. Болдино»[7].

...Возвращение из Болдина, женитьба, пять московских счастливых месяцев, переезд в Петербург... Друзья и недруги... Житейские заботы и творчество... Жизнь А. С. Пушкина продолжалась. Но память его хранила воспоминание о Василии Львовиче.

После смерти дяди А. С. Пушкин стал владельцем его печати XVIII века, полученной им в свою очередь, вероятно, от отца — Л. А. Пушкина. Этой печатью А. С. Пуш-

* Мосье, в Париже мы, у вас.
Мы, россы, справедливы.
Наш край вы видели,— сейчас
Мы видим ваши дивы.
Театр трагедий и балет,
Брюне и водевили.
Мы сочинили вам куплет,
Но град ваш не спалили.
(Перевод А. Худадовой)

кин запечатывал иногда свои письма последних лет.

Спустя год после его смерти Александр Сергеевич писал Вяземскому из Царского Села:

«20 августа, день смерти Василия Львовича, здешние Арзамасцы поминали своего старосту вотрушками, в кои воткнуто было по лавровому листу. Светлана произнесла надгробное слово, в коем с особенным чувством вспоминала она обряд принятия его в Арзамас».

В деловых бумагах А. С. Пушкина сохранился счет 1834 года из книжного магазина А. Ф. Смирдина: в нем указано, что 5 мая поэт взял в магазине «Записки в стихах В. Л. Пушкина» и должен был уплатить за книгу 4 рубля.

В 1836 году А. С. Пушкин начал работать над статьей для «Современника» о «Путешествии N. N. в Париж и Лондон».

Для А. С. Пушкина со смертью Василия Львовича ушла в прошлое часть его собственной жизни — с ним были связаны детство, Лицей, первые шаги в поэзии; да и потом, в послелицейские годы в Петербурге, в годы южной и Михайловской ссылок дядя по-своему участвовал в жизни и творчестве племянника.

В. Л. Пушкин был первым стихотворцем, которого узнал юный Александр Пушкин: дядя часто бывал в Москве в доме брата Сергея Львовича, приводил с собой известных литераторов. Его увлеченность поэзией, ставшей смыслом его жизни, постоянные разговоры о книгах, о театре не могли не повлиять на будущего поэта, так же, как, впрочем, и сама поэзия Василия Львовича: сохранились сведения о том, что в детстве Александр читал его стихи наизусть. Общение с Василием Львовичем

имело и другую привлекательную сторону: доброта и веселость этого человека создавали особую атмосферу.

В 1811 году В. Л. Пушкин повез племянника в Петербург с тем, чтобы определить в Лицей. Дядя ходил с ним на вступительные экзамены. Познакомил с И. И. Пущиным, ставшим впоследствии его «первым другом, другом бесценным». Пущин в своих «Записках» вспоминал о том, как до открытия Лицея он бывал на Мойке, где Александр жил вместе с дядей, как Василий Львович водил их гулять в Летний сад, возил на ялике на Крестовский остров.

Лицей для А. С. Пушкина — это время ученичества в поэзии: он пробует свои силы в разных поэтических жанрах; в его лирике звучат голоса Парни, Вольтера, Г. Р. Державина, Д. В. Давыдова, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова. И голос В. Л. Пушкина тоже слышен в этом хоре. Дело здесь не в мелких текстовых соответствиях, а в самой манере письма, в легкости изложения, в афористичности поэтической фразы: дружеские послания, мадригалы, эпиграммы Александра-лицеиста во многом навеяны чтением В. Л. Пушкина; лицейская поэма «Монах» приводит на память «Опасного соседа».

В. Л. Пушкин позаботился о том, чтобы познакомить племянника с лучшими поэтами — Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, П. А. Вяземским. Он радовался тому вниманию, которым окружили они Александра, гордился успехами начинающего поэта. Когда Александра Пушкина приняли (сначала заочно) в «Арзамас», он стал литературным единомышленником В. Л. Пушкина в борьбе с шишковистами. В послании к дяде племянник звал его на новые схватки с литературными староверами:

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна...

Стремительный рост поэтического гения А. С. Пушкина давал повод не только восхищению, но и шуткам арзамасцев. «Если этот чертенок так размашисто будет шагать и впредь, то кому быть на Парнасе дядей, а кому племянником?» — вопрошал Вяземский. В. Л. Пушкин готов был уступить пальму первенства — в одном из своих не дошедших до нас посланий он называл племянника братом (то есть собратом по перу). Александр Сергеевич же в письме к Василию Львовичу утверждал его в звании «дяди на Парнасе». Впрочем, это письмо интересно еще и тем, что оно отражает характер взаимоотношений двух Пушкиных; в нем младший говорит о литературных заслугах старшего, и все это — в стихах и прозе, остроумно и непринужденно:

«Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт,
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный Вот!
Тебе, мой дядя, в новый год
Веселья прежнего желанье
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье.

В письме вашем вы назвали меня братом; но я не осмелился назвать вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял,
От рифм бахических шатаясь на Пегасе:
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет, вы мне совсем не брат:
Вы дядя мой и на Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей — поэтов здешнего мира — можно ли мне надеяться, что Вы простите девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов племянников?

Да, каюсь я конечно, перед вами
Совсем неправ пустынник рифмоплет;
Он в лености сравнится лишь с богами,
Он виноват и прозой и стихами;
Но старое забудьте в новый год.

Кажется, что судьбою определены мне только два рода писем — обещательные и извиняющиеся: первые в начале годовой переписки, а последние при последнем ее издыхании. К тому же приметил я, что и вся она состоит из двух посланий; это мне кажется непростительным.

Но вы, которые умели
Простыми песнями свирели
Красавиц наших воспевать,
И с гневной Музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмеять,
И мучить бедного Ослова
Священным Феба языком,
И лоб угрюмый Шутовского
Клеймить единственным стихом!
О вы, которые умели
Любить, обедать и писать —
Скажите искренно — ужели
Вы не умеете прощать?

1816 г. 22 дек.»

Когда стало близиться время окончания Лицея, Пушкину вдруг пришла фантазия стать гусаром. Дядя отговаривал его от этого необдуманного намерения. Сохранилось послание, в котором племянник убеждал своего «парнасского отца» в том, что нет ничего

...завидней бранных дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров...

Пылкий лицеист предвидел возражения дяди:

Ты скажешь: «Перестань, болтун!
Будь человек, а не драгун;
Парады, караул, ученья —
Все это оды не внушит,
А только душу иссушит...»

Если в этом воображаемом разговоре дядя ставил в пример поэта-министра И. И. Дмитриева, то для племянника образцом был поэт-гусар Д. В. Давыдов. В конце концов Александр Пушкин все же согласился с Василием Львовичем: после окончания Лицея он был зачислен на службу в коллегию иностранных дел с чином коллежского секретаря и посвятил себя поэзии.

Жизнь А. С. Пушкина в Петербурге после выпуска из Лицея почти как у Онегина — «разнообразна и пестра»: балы, театры, дружеские собрания и пирушки. Но еще — творческий труд, поэзия. Ему некогда писать дяде; правда, в посланиях к друзьям он не забывает передать ему поклон и просит обнять его «за ветреного племянника». Василий Львович же интересуется всем, что с ним связано,— его здоровьем, проказами, знакомствами, его стихами, сетует иногда на его молчание. Вот выдержки из писем В. Л. Пушкина к Вяземскому:

«Жду от тебя письма нетерпеливо. Скажи мне что-

Люблю я бешеную младость
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманный наряд;
Люблю их ножки...

А. Пушкин

нибудь о племяннике моем, о его поэме и о похождениях его. Я уверен, что ты с ним бывал нередко.

Москва, 14 февраля 1818 года».

«Тургенев здесь пробудет несколько недель. Он мне сказывал, что мой племянник пишет прекрасную поэму*, и читал из нее отрывки в последнем Арзамасе...

Москва, 17 апреля 1818 года».

«Племянник мой совершенный урод. Он теперь пишет новую поэму, от которой Тургенев в восхищении.

Москва, 16 мая 1818 года».

«Милая наша княгиня Serge Голицына** возвратилась также в Москву белокаменную. <...> Племянник мой Александр у нее бывал всякий день, и она меня порадовала, сказав, что он малый предобрый и преумный.

Москва, 8 июня 1818 года».

* «Руслан и Людмила».
** Е. И. Голицына.

«Я сам удивляюсь, как в моем положении я мог написать довольно забавные стихи. Я плакал от горя. <...> Сегодня я получил пренеприятное письмо: наш поэт Александр был опасно болен, но, благодаря бога, ему легче.

[1818 год]»[8]

«Брат Сергей Львович живет в Опочке, на границе Белорусских губерний. Он приехал в свою деревню 27 июня, а 28-го, то есть на другой день, умерла его теща. <...> Александр остался в Петербурге; теперь, узнав о кончине бабушки своей, он, может быть, поедет к отцу. Я о нем знаю только по слуху. Около года я от нашего поэта не получал ни строчки.

с. Бередичи Козельского уезда, 2 августа 1818 года»[9].

«...о племяннике своем я слышу, что он страшно проказничает.

Москва, 1 ноября [1818 года]»[10].

«Шаховской все еще в Москве. Он мне сказывал, что племянник мой у него бывает почти ежедневно. Я не отвечал ни слова, а тихонько вздохнул.

Москва, 23 апреля [1819 года]».

«Пожалей о нашем поэте Пушкине. Он болен злою горячкою. Брат мой в отчаяньи, и я чрезвычайно огорчен такою печальною вестью. Тургенев пишет вчера, что ему немного лучше, но что опасность еще не миновалась.

Москва, 25 июня [1819 года]»[11].

Другая опасность нависла над А. С. Пушкиным в 1820 году — его вольнолюбивые стихотворения, политические эпиграммы, во множестве списков распространявшиеся по России, дошли до правительства, и только общие усилия друзей спасли поэта от наказания. Вме-

сто предполагаемой ссылки в Сибирь или на Соловки было решено перевести его в южные губернии под начальство генерал-лейтенанта И. Н. Инзова. 6 мая 1820 года коллежский секретарь А. С. Пушкин выехал из Петербурга в Екатеринославль.

В. Л. Пушкин, умевший даже в плохом находить хорошее, писал в июне 1820 года Вяземскому: «Я надеюсь, что пребывание его в Екатеринославле будет для него полезно, и радуюсь сердечно, что г. Капо-Дистрия к нему хорошо расположен»[12]. И еще в другом письме 23 сентября 1820 года: «Генерал Инзов его любит, и я надеюсь, что в нашем поэте прок будет. Необузданная ветреность пройдет, а талант его и доброе сердце останутся в нем навсегда»[13]. Василий Львович все так же ревностно следил за всем, что выходило за подписью племянника, восхищался его стихотворениями, «Кавказским пленником», перевел на французский язык «Черную шаль», внимательно читал журналы с разбором его произведений и негодовал на его критиков.

Племянник тем временем вступил в новую пору жизни и творчества. Екатеринославль, поездка с Раевским по Крыму и Кавказу, Кишинев, Одесса... Много новых впечатлений, новых людей... Размышления, труд, чтение... Мир романтической поэзии... Но все-таки дядя и в эти годы не забыт племянником: А. С. Пушкин пишет ему и получает от него письма (к сожалению, мы располагаем только сведениями о том, что они были), читает присланные ему «Стихотворения Василия Пушкина», вспоминает «Опасного соседа», когда сочиняет «Гаврилиаду», шуткой о дяде начинает «Евгения Онегина».

31 июля 1824 года В. Л. Пушкин писал из Москвы Н. И. Кривцову:

«Я получил вчера известие, которое меня очень огорчило. <...> Александр, мой племянник, впав в немилость графа Воронцова, только что отстранен от службы. Это внезапный удар для его родителей и истинное огорчение для меня...»[14]

Южную ссылку А. С. Пушкина сменила Михайловская ссылка.

Переписка Пушкиных времени Михайловской ссылки не сохранилась, да мы и не знаем, была ли она. Но упоминания племянника о дяде в письмах из Михайловского к их общему другу Вяземскому встречаются часто. И не только к Вяземскому. Так, поэт просит Плетнева взять на себя труд издания «Евгения Онегина», вспоминая при этом, что тот был издателем «Стихотворений Василия Пушкина»:

Ты издал дядю моего:
Творец Опасного соседа
Достоин очень был того...

У Вяземского Александр Сергеевич спрашивает, не внушила ли смерть его тетки Анны Львовны Пушкиной Василию Львовичу какого-нибудь перевода или хоть эпитафии? Когда же к нему в Михайловское приезжает Дельвиг, они вместе пишут пародию на слезное творение безутешного Василия Львовича — «Элегию на смерть Анны Львовны»:

Ох, тетинька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маминьке любовна,
Была ты к папиньке добра...

Племянник посылает элегию Вяземскому, а потом хлопочет, чтобы его приятель убедил дядю, что это произведение «какого-нибудь другого беззаконника».

А. С. Пушкин не прочь подшутить над дядюшкой. В июле 1825 года он подстрекает Вяземского мистифицировать доверчивого Василия Львовича:

«Какую песню из Béranger перевел дядя Василий Львович? уж не le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну, что его в том подозревают в Петербурге, и что готовится уже следственная комиссия, составленная из графа Хвостова, Магницкого и г-жи Хвостовой (автора Камина, и следств. соперницы Василия Львовича). Не худо уведомить его, что уже давно был бы он сослан, если не чрезвычайная известность его Опасного соседа. Опасаются шума!»

И еще одна шутка. 15 августа 1825 года Александр Сергеевич поручает П. А. Вяземскому получить у В. Л. Пушкина 100 рублей, взятых дядею у него взаймы в 1811 году во время путешествия из Москвы в Петербург, — эти деньги были даны мальчику бабушкой и теткой на орехи: «Свидетелем оного займа был известный Игнатий; но и сам Василий Львович, по благородству сердца своего, от оного не откажется».

Тон михайловских писем о Василии Львовиче всегда шутливый, насмешливый: Александр Сергеевич как бы веселил себя в деревенской глуши. И в произведениях, написанных в северной ссылке, воспоминания о дяде также отзываются шуткой.

В Михайловском А. С. Пушкин создает деревенские главы «Евгения Онегина»: в параде гостей на балу у Лариных он заставляет участвовать своего двоюродного

«По чести, мне твоих расходов жаль». —
«Да что, скажи, откройся смело;
Расходы знать мое, а не твое уж дело». —
«Меня... стыжусь... пленила шаль».
И. Дмитриев

брата Буянова, а затем разрабатывает этот созданный дядей характер, рисуя Зарецкого, «некогда буяна».

В Михайловском А. С. Пушкин пишет поэму «Граф Нулин», и здесь он вспоминает дядю, его вкусы, его модные привычки:

Сказать ли вам, кто он таков?
Граф Нулин, из чужих краев.
<...>
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков á jour...

Невольно вспоминаются стихи И. И. Дмитриева «Путешествие N. N. в Париж и Лондон»:

Какие фраки! Панталоны!
Всему новейшие фасоны!

По-видимому, упомянутые А. С. Пушкиным в «Графе Нулине» чулки à jour были особенно любимой деталью его туалета. Во всяком случае, когда В. Л. Пушкину пришлось из-за болезни изменить модным привычкам, он выразил сожаление прежде всего об ажурных чулках:

« Стар и дряхл я становлюсь
И сквозных чулок боюсь.

Подагрику не до щегольства, и, кажется, скоро я вовсе с модою распрощаюсь»[15].

А. С. Пушкин, во многом следуя за И. И. Дмитриевым, продолжил характеристику графа Нулина его книжкой Гизо, романом Вальтера Скотта, bonsmots парижского двора, мотивами Россини, Пера, песней Беранже, которого особенно любил Василий Львович.

Интересы графа Нулина раскрываются в беседе с Натальей Павловной: он сожалеет о Париже, говорит о новых модах, о литературе, упоминает знаменитого трагика Тальма и известную актрису мадемуазель Марс, поет новый водевиль — и во всем этом угадывается дядя сочинителя, сведущий во всех литературных новинках, игравший в домашних спектаклях, близко знакомый с Тальма, у которого брал он уроки декламации.

Любовное приключение графа Нулина, также в духе В. Л. Пушкина, который писал Вяземскому: «И в сединах моих я еще смотрю на красавиц с удовольствием», и ему же признавался: «Платоники чрезвычайно походят на тех людей, которые пьют мед, по усам течет, а в рот не попадает. Что до меня касается, то я люблю его глотать, пока силы мои еще то позволяют»[16].

Граф Нулин, воплотивший забавный литературный лик Василия Львовича, включен А. С. Пушкиным в сю-

жет, построенный по принципу «Опасного соседа». Это также минус-сюжет, рассказ о том, что не случилось, но могло случиться,— поэтому так озорно упоминается двадцатитрехлетний сосед Натальи Павловны Лидин, который больше всех смеялся несостоявшемуся подвигу графа Нулина. Так же, как и в поэме В. Л. Пушкина, за персонажами «Графа Нулина» пародийно вырисовываются герои древней истории: граф Нулин объявлен Тар-

Фонарщик и кухарка

Разносчик и кормилица

квинием, Наталья Павловна — Лукрецией, но пощечина — сюжетный поворот вмешавшегося в историю А. С. Пушкина — дает другой ход событиям, не позволяет Тарквинию овладеть Лукрецией, а Лукреции — покончить с собой, переводит трагедию в комический план. Как и в «Опасном соседе», главное в «Графе Нулине» не сюжет, не житейская сентенция о верных женах, с комической важностью произнесенная в конце поэмы, а великолепно описанный быт, колоритные типажи — модный граф, лукавая барыня, ее муж — провин-

циальный медведь, бойкая служанка — и, конечно же, легкость и изящество изложения, свободное и непосредственное обращение к читателю.

Позднее в заметке о «Графе Нулине» А. С. Пушкин напишет: «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. «Граф Нулин» писан 13 и 14 декабря. — Бывают странные сближения».

14 декабря 1825 года. Михайловское. «Граф Нулин».

14 декабря 1825 года. Петербург. Восстание декабристов.

Конец декабря 1825 года, зиму, весну и лето 1826 года А. С. Пушкин провел в мучительном ожидании: его имя не раз называлось на заседаниях Следственной комиссии, в бумагах декабристов были найдены его политические стихотворения, среди заговорщиков были его «друзья, братья, товарищи», и он готов был разделить их участь.

В начале сентября в Михайловское приехал фельдъегерь. Поэта вызывали в Москву.

8 сентября 1826 года А. С. Пушкин после пятнадцатилетней разлуки снова увидел родной город. В Чудовом дворце Кремля ему предстояла встреча с Николаем I.

Как только она закончилась, А. С. Пушкин поспешил на Старую Басманную, в дом дядюшки Василия Львовича, человека, с которым были связаны лучшие дни детства и юности, поэта, который был его первым наставником в поэзии.

Ах, братцы! как я был доволен...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По законам риторики пушкинского времени ораторская речь должна венчаться «удовлетворительным окончанием».

Заканчивая книгу о В. Л. Пушкине, я хочу прежде всего высказать свою благодарность тем, кто помогал мне в моей работе: моим коллегам по Государственному музею А. С. Пушкина Александру Зиновьевичу Крейну — вдохновителю этой книги, Наталье Леонидовне Завойской, чьи советы были для меня весьма ценными, Ладе Ивановне Вуич, с помощью которой были подобраны иллюстрации для этого издания. Со словами признательности я обращаюсь к хранителю рукописей А. С. Пушкина в Пушкинском доме Римме Ефремовне Теребениной и сотруднику Государственного архива Горьковской области Нине Илларионовне Купреяновой; благодарю также сотрудников Центрального государственного архива литературы и искусства, Государственной библио-

теки СССР им. В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, где велись мои занятия и поиски.

Но это еще не все.

У современного читателя велика потребность не только узнать как можно больше об интересном ему писателе, но и увидеть его прижизненные изображения, первые издания его произведений, портреты его друзей и современников, города и места, где он бывал, наконец, оказаться в окружении вещей — и тех, которые принадлежали писателю, и просто вещей его эпохи. Поэтому с каждым годом растет число литературных музеев в нашей стране — сейчас их более 200.

А как быть с В. Л. Пушкиным?

Если вы придете в Государственный музей А. С. Пушкина, то сможете посмотреть на представленные там экспонаты и с точки зрения его дяди: ведь гравюры и литографии, изображающие пушкинскую Москву и пушкинский Петербург, показывают и ту Москву, и тот Петербург, которые знал Василий Львович; он был знаком с теми же людьми, в театре видел те же спектакли, читал те же книги. Пока можно предложить только это. Заметим, кстати, что если сейчас высказывается предположение, что А. С. Пушкин бывал в особняке А. П. Хрущева (где сейчас находится музей), то с еще большей степенью вероятности это можно сказать о Василии Львовиче, который был известен всей Москве, участвовал во всех московских празднествах и развлечениях. Но есть еще другой особняк — дом В. Л. Пушкина на Старой Басманной. И может быть, надо подумать о том, чтобы создать там другой музей.

Архив В. Л. Пушкина не найден. Если учесть, что

московский поэт был знаком со многими историческими деятелями, находился в близких, дружеских отношениях почти со всеми известными русскими и, как выяснилось, не только русскими писателями своего времени, то можно предполагать, что это — богатейшее собрание документов, писем, дневников, находка которого будет для нас драгоценна. У дяди могли храниться еще не известные нам письма А. С. Пушкина. Итак, нужно искать архив Василия Львовича.

В. Л. Пушкин, его жизнь и творчество должны стать предметом дальнейшего всестороннего исследования. Это изучение необходимо не только потому, что даст новые сведения о литературной борьбе XIX века, о взаимоотношениях русских литераторов, поможет установить или же уточнить некоторые факты истории и литературы. Оно нужно прежде всего потому, что как бы ни был огромен художественный мир великого Пушкина, как бы ни была богата его биография, наше представление о его жизни и творчестве будет неполным, если мы забудем о его дяде, московском поэте В. Л. Пушкине, подсказавшем племяннику путь в поэзию:

Поэтов грешный лик
Умножил я собою.
И я главой поник
Пред милою мечтою;
Мой дядюшка-поэт
На то мне дал совет
И с музами сосватал.

Приложение

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ В. Л. ПУШКИНУ

А. С. ПУШКИН

ПОСЛАНИЕ В. Л. ПУШКИНУ

Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?
Ужели тот, кто иногда
Жжет ладан Аполлону даром,
За честь не смеет без стыда
Жечь порох на войне с гусаром
И, если можно, города?

Беллона, Муза и Венера,
Вот, кажется, святая вера
Дней наших всякого певца.
Я шлюсь на русского Буфлера
И на Дениса храбреца,
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоского певца;
Не нужно мне его примера...
Ты скажешь: «Перестань, болтун!
Будь человек, а не драгун;
Парады, караул, ученья —
Все это оды не внушит,
А только душу иссушит,
И к Марину для награжденья,
Быть может, прямо за Коцит
Пошлют читать его творенья.
Послушай дяди, милый мой:
Ступай себе к слепой Фемиде
Иль к дипломатике косой!
Кропай, мой друг, посланья к Лиде,
Оставь военные грехи
И в сладостях успокоенья
Пиши сенатские решенья
И пятистопные стихи;
И не с гусарского корнета,—
Возьми пример с того поэта,
С того, которого рука
Нарисовала Ермака
В снегах незнаемого света,
И плен могучего Мегмета,
И мужа модного рога,
Который, милостию бога,

6 Заказ 465

Министр и сладостный певец,
Был строгой чести образец,
Как образец он будет слога».
Все так, почтенный дядя мой,
Почтен, кто глупости людской
Решит запутанные споры;
Умен, кто хитрости рукой
Переплетает меж собой
Дипломатические вздоры
И правит нашею судьбой.
Смешон, конечно, мирный воин,
И эпиграммы самой злой
В известных «Святках» он достоин.
Но что прелестней и живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней бранных дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав и нег и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают, что́ скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру

И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла.
Но вы, враги трудов и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вам на ухо: вы правы,
И с вами соглашаюсь я!
Бог создал для себя природу,
Свой рай и счастие глупцам,
Злословие, мужчин и моду,
Конечно, для забавы дам,
Заботы знатному народу,
Дурачества для всех,— а нам
Уединенье и свободу![1]

1817

И. И. ДМИТРИЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ N. N. В ПАРИЖ И ЛОНДОН,
писанное за три дни до путешествия

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Друзья! сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать:

Я был в Лицее, в Пантеоне,
У Бонапарта на поклоне;
Стоял близехонько к нему,
Не веря счастью моему.
Вчера меня князь Долгоруков
Представил милой Рекамье;
Я видел корпус мамелюков,
Сиеса, Вестриса, Мерсье,
Мадам Жанлис, Виже, Пикара,
Фонтана, Герля, Легуве,
Актрису Жорж и Фиеве;
Все тропки знаю булевара,
Все магазины новых мод;
В театре всякий день, оттоле
В Тиволе и Фраскати, в поле.
Как весело! какой народ!
Как счастлив я! — итак, простите!
Простите, милые! и ждите
Из области наук, искусств
Вы с первой почтой продолженья,
Истории без украшенья,
Идей моих и чувств.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Против окна в шестом жилье
Откуда вывески, кареты,
Всё, всё, и в лучшие лорнеты
С утра до вечера во мгле,
Ваш друг сидит еще не чесан,
И на столе, где кофь стоит,
«Меркюр» и «Монитер» разбросан,

Афишей целый пук лежит:
Ваш друг в свою отчизну пишет;
А Журавлев уж не услышит!
Вздох сердца! долети к нему!
А вы, друзья, за то простите
Кое-что нраву моему;
Я сам готов, когда хотите,
Признаться в слабостях моих;
Я, например, люблю, конечно,
Читать мои куплеты вечно,
Хоть слушай, хоть не слушай их;
Люблю и странным я нарядом,
Лишь был бы в моде, щеголять;
Но словом, мыслью, даже взглядом
Хочу ль кого я оскорблять?
Я, право, добр! и всей душою
Готов обнять, любить весь свет!..
Я слышу стук!.. никак за мною?
Так точно, наш земляк зовет
На ужин к нашей же — прекрасно!
Сегюр у ней почти всечасно:
Я буду с ним, как счастлив я!
Пришла минута и моя!
Простите! время одеваться,
Чрез месяц, два — я, может статься,
У мачты буду поверять
Виргилиеву грозну бурю;
А если правду вам сказать,
Так я глаза мои защурю
И промыслу себя вручу.
Как весело! лечу! лечу!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Валы вздувалися горами,
Сливалось море с небесами,
Ревели ветры, гром гремел,
Зияла смерть, а N. N. цел!
А N. N. ваш в коротком фрачке,
В Вестминстере свернувшись в ком,
Пред урной Попа бьет челом;
В ладоши хлопает на скачке,
Спокойно смотрит сквозь очков
На стычку Питта с Шериданом,
На бой задорных петухов
Иль дога с яростным кабаном:
Я в Лондоне, друзья, и к вам
Уже объятья простираю —
Как всех увидеть вас желаю!
Сегодня на корабль отдам
Все, все мои приобретенья
В двух знаменитейших странах!
Я вне себя от восхищенья!
В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фраки! панталоны!
Всему новейшие фасоны!
Какой прекрасный выбор книг!
Считайте — я скажу вам вмиг:
Бюффон, Руссо, Мабли, Корнилий,
Гомер, Плутарх, Тацит, Виргилий,
Весь Шакеспир, весь Поп и Гюм;
Журналы Аддисона, Стиля...
И всё Дидота, Баскервиля!
Европы целой собрал ум!

Ах, милые, с каким весельем
Всё это будем разбирать!
А иногда я между дельем
Журнал мой стану вам читать:
Что видел, слышал за морями,
Как сладко жизнь моя текла,
И кончу тем, обнявшись с вами:
А родина... все нам мила!

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

1) *Представил милой Рекамье.* Рекамье — жена парижского банкира, прославившаяся красотой своей.

2) *Сиеса, Вестриса, Мерсье.* Первый — сенатор, игравший в революцию важную ролю; второй — славный танцовщик, а третий — давно известный писатель.

3) *Мадам Жанлис, Виже, Пикара.* Первая — сочинительница романов и нескольких книг о воспитании; второй — приятный стихотворец; последний — лучший комический писатель нынешнего времени.

4) *Фонтана, Герля, Легуве.* Три известные стихотворца.

5) *Актрису Жорж и Фиеве.* Последний — сочинитель прекрасного романа и писем об Англии.

6) *В Тиволи и Фраскати, в поле.* Так называются два гульбища.

7) *А Журавлев уж не услышит.* Почтенный старик, который незадолго перед тем умер и дружен был с путешественником.

8) *В Вестминстере и проч.* Для некоторых напомню, что в этом аббатстве издавна погребаются короли и славные мужи.

9) *И всё Дидота, Баскервиля.* Также для некоторых: Дидот — славный французский типографщик, а Баскервиль — английской[2].

1803

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ОТВЕТ НА ПОСЛАНИЕ ВАСИЛЬЮ ЛЬВОВИЧУ ПУШКИНУ

Ты прав, любезный Пушкин мой,
С людьми ужиться в свете трудно!
У каждого свой вкус, свой суд и голос свой!
Но пусть невежество талантов судией —
Ты смейся и молчи: роптанье безрассудно!
Грудистых крикунов, в которых разум скудный
Запасом дерзости с избытком заменен,

Перекричать нельзя; язык их — брань, искусство —
Пристрастьем заглушать священной правды чувство,
А демон зависти — их мрачный Аполлон!
Но их безвредное, смешное вероломство
В борьбе с талантами не может устоять!
Как волны от скалы, оно несется вспять!
Что век зоила? — день! Век гения? — потомство!
Учись — здесь Карамзин, честь края своего,
Сокрывшихся веков отважный собеседник,
Наперсник древности и Ливия наследник,
Не знает о врагах, шипящих круг него.
Пускай дурачатся, гордясь рукоплесканьем
Сотрудников своих. Их речи — тщетный звон!
Не примечая их, наказывает он
Витийственный их гнев убийственным молчаньем.
Так путник, посреди садов,
Любуясь зеленью и свежими цветами,
Не видит под травой ползущих червяков,
Их топчет твердыми ногами
И далее идет, не думая о них!
Оставим сих слепцов; их сумрачные очи,
Привыкшие ко тьме, бегут лучей дневных,—
И, пожелав им доброй ночи,
Сзовем к себе друзей своих
Стихи читать, не зачитаться,
Поговорить и посмеяться
На свой, подчас и счет других;
Но только с тем, чтоб осторожно!
И в дружеском кругу своем,
Поверь, людей еще найдем,
С которыми ужиться можно![3]

1814

* * *

Василий Львович милый! здравствуй!
Я бью челом на новый год!
Веселье, мир с тобою царствуй,
Подагру черт пусть поберет.
Пусть смотрят на тебя красотки
Как за́ двадцать смотрели лет,
И говорят — на зов твой ходки —
Что не стареется поэт.
Пусть цедится рукою Вакха
В бокал твой лучший виноград,
И будешь пить с Толстым* без страха,
Что за плечами Гиппократ.
Пусть Феб умножит в двадцать первый
На рифмы у тебя расход,
И кляп наложится Минервой
Всем русским Вральманам на рот.
Пусть Вестник, будто бы Европы,
По-европейски говорит,
И разных глупостей потопы
Рассудка солнце осушит.
Пусть нашим ценсорам дозволят
Дозволить мысли вход в печать;
Пусть баре варварства не холят
И не невежничает знать.
Будь в этот год, другим не равный:
Все наши умники умны,
Менандры невские забавны,

* Который, между прочим, женился на своей цыганке. *(Примеч. автора.)*

А Еврипиды не смешны,
Исправники в судах исправны,
Полковники не палачи,
Министры не самодержавны,
А стражи света не сычи.
Пусть щук поболе народится,
Чтоб не дремали караси;
Пусть белых негров прекратится
Продажа на святой Руси.
Но как ни будь и в слове прыток,
Всего нельзя спустить с пера;
Будь в этот год нам в зле убыток
И прибыль в бю́джете добра[4].

1820

В. А. ЖУКОВСКИЙ

К КН. ВЯЗЕМСКОМУ И В. Л. ПУШКИНУ

Послание

Друзья, тот стихотворец — горе,
В ком без похвал восторга нет.
Хотеть, чтоб нас хвалил весь свет,
Не то же ли, что выпить море?
Презренью бросим тот венец,
Который всем дается светом;
Иная слава нам предметом,
Иной награды ждет певец.
Почто на Фебов дар священный
Так безрассудно клеветать?

Могу ль поверить, чтоб страдать
Певец, от Музы вдохновенный,
Был должен боле, чем глупец,
Земли бесчувственный жилец,
С глухой и вялою душою,
Чем добровольной слепотою
Убивший все, чем красен свет,
Завистник гения и славы?
Нет! жалобы твои неправы,
Друг Пушкин; счастлив, кто поэт;
Его блаженство прямо с неба;
Он им не делится с толпой:
Его судьи лишь чада Феба;
Ему ли с пламенной душой
Плоды святого вдохновенья
К ногам холодных повергать
И на коленах ожидать
От недостойных одобренья?
Один, среди песков, Мемнон,
Седя с возвышенной главою,
Молчит — лишь гордою стопою
Касается ко праху он;
Но лишь денницы появленье
Вдали восток воспламенит —
В восторге мрамор песнь гласит.
Таков поэт, друзья; презренье
В пыли таящимся душам!
Оставим их попрать стопам,
А взоры устремим к востоку.
Смотрите: не подвластный року
И находя в себе самом
Покой, и честь, и наслажденья,

Муж праведный прямым путем
Идет — и терпит ли гоненья,
Избавлен ли от них судьбой —
Он сходен там и тут с собой;
Он благ без примеси не просит —
Нет! в лучший мир он переносит
Надежды лучшие свои.
Так и поэт, друзья мои;
Поэзия есть добродетель;
Наш гений лучший нам свидетель.
Здесь славы чистой не найдем —
На что ж искать? Перенесем
Свои надежды в мир потомства...
Увы! «Димитрия» творец
Не отличил простых сердец
От хитрых, полных вероломства.
Зачем он свой сплетать венец
Давал завистникам с друзьями?
Пусть Дружба нежными перстами
Из лавров сей венец свила —
В них Зависть терния вплела;
И торжествует: растерзали
Их иглы славное чело —
Простым сердцам смертельно зло:
Певец угаснул от печали.
Ах! если б мог достигнуть глас
Участия и удивленья
К душе, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на час!
Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,

Певцу погибелью была.
Потомство грозное, отмщенья!..
И нам, друзья, из отдаленья
Рассудок опытный велит
Смотреть на сцену, где гремит
Хвала — гул шумный и невнятный;
Подале от толпы судей!
Пока мы не смешались с ней
Свобода друг нам благодатный;
Мы независимо, в тиши
Уютного уединенья,
Богаты ясностью души,
Поем для муз, для наслажденья,
Для сердца верного друзей;
Для нас все обольщенья славы!
Рука завистников-судей
Душеубийственной отравы
В ее сосуд не подольет,
И злобы крик к нам не дойдет.
Страшись к той славе прикоснуться,
Которою прельщает Свет —
Обвитый розами скелет;
Любуйся издали, поэт,
Чтобы вблизи не ужаснуться.
Внимай избранным судиям:
Их приговор зерцало нам;
Их одобренье нам награда,
А порицание ограда
От убивающия дар
Надменной мысли совершенства.
Хвала воспламеняет жар;
Но нам не в ней искать блаженства —

В труде... О благотворный труд,
Души печальныя целитель
И счастия животворитель!
Что пред тобой ничтожный суд
Толпы, в решениях пристрастной,
И ветреной, и разногласной?
И тот же Карамзин, друзья,
Разимый злобой, несраженный
И сладким лишь трудом блаженный,
Для нас пример и судия.
Спросите: для одной лишь славы
Он вопрошает у веков,
Как были, как прошли державы,
И чадам подвиги отцов
На прахе древности являет?
Нет! он о славе забывает
В минуту славного труда;
Он беззаботно ждет суда
От современников правдивых,
Не замечая и лица
Завистников несправедливых.
И им не разорвать венца,
Который взяло дарованье;
Их злоба — им одним страданье.
Но пусть и очаруют свет —
Собою счастливый поэт,
Твори, будь тверд; их зданья ломки;
А за тебя дадут ответ
Необольстимые потомки[5].

1814

ИЗ ПОСЛАНИЙ К КН. ВЯЗЕМСКОМУ
И В. Л. ПУШКИНУ

Послушай, Пушкин-друг, твой слог отменно чист;
Грамматика тебя угодником считает,
И никогда твой вкус не ковыляет.
Но, кажется, что ты подчас многоречист,
Что стихотворный жар твой мог бы быть живее,
А выражения короче и сильнее;
Еще же есть и то, что ты, мой друг, подчас
Предмет свой забываешь!
Твое «посланье» в том живой пример для нас.
В начале ты завистникам пеняешь:
«Зоилы жить нам не дают! —
Так пишешь ты. — При них немеет дарованье,
От их гонения один певцу приют —
Молчанье!»
Потом ты говоришь: «И я любил писать;
Против нелепости глупцов вооружался;
Но гений мой и гнев напрасно истощался:
Не мог безумцев я унять!
Скорее бороды их оды вырастают,
И бритву критики лишь только притупляют;
Итак, пришлось молчать!»
Теперь скажи ж мне, что причиною молчанья
Должно быть для певца?
Гоненье ль зависти? Или иносказанья,
Иль оды пачкунов без смысла, без конца?..
Но тут и все погрешности посланья;
На нем лишь пятнышко одно,
А не пятно.

Рассказ твой очень мил; он кстати, легок, ясен!
        Конец прекрасен!
Воображение мое он так кольнул,
Что я, перед собой уж всех вас видя в сборе,
Разинул рот, чтобы в гремящем вашем хоре
Веселию кричать: ура! и протянул
Уж руку, не найду ль волшебного бокала.
      Но, ах! моя рука поймала
Лишь Друга юности и всяких лет!
А вас, моих друзей, вина и счастья, нет!..[6]

1814

К. Н. БАТЮШКОВ

* * *

Тот вечно молод, кто поет
Любовь, вино, Эрота
И розы сладострастья жнет
В веселых цветниках Буфлера и Марота.
Пускай грозит ему подагра, кашель злой
И свора злых заимодавцев:
Он всё трудится день-деньской
Для области книгопрода́вцев.

«Умрет, забыт!» Поверьте, нет!
Потомство всё узнает:
Чем жил, и как, и где поэт,
Как умер, прах его где мирно истлевает.
И слава, верьте мне, спасет
Из алчных челюстей забвенья
И в храм бессмертия внесет
Его и жизнь, и сочиненья[7].

1817

* * *

Чутьем поэзию любя,
Стихами лепетал ты, знаю, в колыбели;
Ты был младенцем, и тебя
Лелеял весь Парнас и музы гимны пели,
Качая колыбель усердною рукой:
«Расти, малютка золотой!
Расти, сокровище бесценно!
Ты наш, в тебе запечатленно
Таланта вечное клеймо!
Ничтожных должностей свинцовое ярмо
Твоей не тронет шеи:
Эротов розы и лилеи,
Счастливы Пафоса затеи,
Гулянья, завтраки и праздность без трудов,
Жизнь без раскаянья, без мудрости плодов,
Твои да будут вечно!
Расти, расти, сердечный!
Не будешь в золоте ходить,
Но будешь без труда на рифмах говорить,
Друзей любить
И кофе жирный пить!»[8]

1817

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

* * *

Откуда взял Василий непотешный
Потешного Буянова? Хитрец
К лукавому прибег с мольбою грешной.
«Я твой,— сказал,— но будь родной отец,
Но помоги». — Плодятся без усилья,
Горят, кипят задорные стихи,
И складные страницы у Василья
Являются в тетрадях чепухи[9].

1826

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I. «МОЙ БРАТ ДВОЮРОДНЫЙ БУЯНОВ»

[1] Пушкин А. С. Евгений Онегин. — Полн. собр. соч. в 17-ти т., т. 6. М.—Л., 1937, с. 109. В последующем тексты А. С. Пушкина, а также письма к нему цитируются по этому изданию.

[2] Пушкин А. С. Евгений Онегин. Предисл., примеч. и поясн. статьи С. Бонди. М., 1964, с. 153.

[3] Пушкин В. Л. Опасный сосед. М., 1918, с. 33. В последующем текст цитируется по этому изданию.

[4] Гоголь Н. В. Мертвые души. — В кн.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14-ти т., т. VI. М., 1951, с. 70.

[5] Московские ведомости, 1830, № 70, 30 августа, с. 3120.

[6] Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. Спб., 1803, с. 199.

[7] Шаховской А. А. Новый Стерн. — В кн.: Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961, с. 744. В последующем произведения А. А. Шаховского цитируются по этому изданию.

[8] Пушкин В. Л. Послание к В. А. Жуковскому. — В кн.: Сочинения В. Л. Пушкина. Спб., 1893, с. 71. В дальнейшем произведения В. Л. Пушкина цитируются по этому изданию, за исключением тех, что в него не вошли.

[9] Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху. Спб., 1874, с. 18.

[10] Остафьевский архив князей Вяземских, т. 1. Спб., 1899, с. 34.

[11] Русский архив, М., 1866, с. 1452.

[12] Московские ведомости, 1830, № 70, 30 августа, с 3120.

[13] Северная пчела, 1853, № 142, 30 июня, с. 568.

[14] Цит. по кн.: Опасный сосед. Стихотворение Василия Львовича Пушкина. Пг., 1917, с. 8.

[15] Русский архив, М., 1866, с. 764.

[16] Цит. по кн.: Павлищев Л. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890, с. 12.

[17] Русский архив, М., 1901, № 2, с. 505.

[18] Русский архив, М., 1866, с. 865.

[19] Вигель Ф. Ф. Записки, т. 1. М., 1928, с. 341. В последующем «Записки» цитируются по этому изданию.

[20] Сочинения К. Н. Батюшкова, т. III. Спб., 1886, с. 128. В последующем тексты К. Н. Батюшкова цитируются по этому изданию.

Глава II. В. Л. ПУШКИН И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ

1 Тынянов Ю. Н. Кюхля. М., 1972, с. 15. В последующем текст цитируется по этому изданию.

2 Вяземский П. А. Автобиографическое введение. — Полн. собр. соч. в 11-ти т., т. 1. Спб., 1878, с. XXIX.

3 Цит. по кн.: Вяземский П. А. Старая записная книжка. — Полн. собр. соч., т. VIII. Спб., 1883, с. 174.

4 Там же, с. 71.

5 Дмитриев И. И. Путешествие N. N. в Париж и Лондон. — В кн.: Карамзин Н., Дмитриев И. Избранные стихотворения. М., 1953, с. 285. В последующем текст цитируется по этому изданию.

6 Библиографические записки, 1859, т. II, с. 306—307.

7 Московские ведомости, 1803, № 32, 22 апреля, с. 552.

8 Цит. по ст.: Трубицын Н. И. Из поездки Василия Львовича Пушкина за границу. — В кн.: Пушкин и его современники. Вып. XIX—XX. Пб., 1914, с. 265—266.

9 Остафьевский архив князей Вяземских, т. 1, с. 21.

10 ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, лл. 82, 95, 36, 46, 105 об., 72 об., 83 об., 107 об., 95 об.; ед. хр. 5082, л. 74; ед. хр. 2611, лл. 22—22 об.

11 ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 261, л. 78.

12 Там же, лл. 11, 15 об., 19 об.; ед. хр. 5082, л. 86 об.; ед. хр. 2611, лл. 57, 74 об., 84 об., 105, 121.

13 Цит. по ст.: Благой Д. Д. Пушкин в неизданной переписке современников. — В кн.: Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 89.

14 ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, лл. 167—167 об.

15 Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив В. Ф. Одоевского, ф. 539, оп. 2, ед. хр. 27, л. 1 об.

Глава III. КАК ИЗДАВАЛИ «СТИХОТВОРЕНИЯ ВАСИЛИЯ ПУШКИНА»

1 ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 61 об.

2 Остафьевский архив князей Вяземских, т. II, с. 195, 200, 202.

3 Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. I, с. 71.

4 Остафьевский архив князей Вяземских, т. II, с. 215.

[5] Там же, с. 221.
[6] Там же, с. 232.
[7] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2004, л. 3.
[8] Плетнев П. А. Сочинения и переписка, т. III. Спб., 1885, с. 383.
[9] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5084, л. 102 об.
[10] Остафьевский архив князей Вяземских, т. II, с. 272.
[11] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 129 об.
[12] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Спб., 1866, с. 337.
[13] Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности, ч. XX. Спб., 1822, с. 214—217.
[14] Московские ведомости, 1822, № 102, 23 декабря, с. 3198.

Глава IV. ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЫТ МОСКВЫ И ДОМ НА СТАРОЙ БАСМАННОЙ

[1] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т., т. I. М., 1956, с. 148.
[2] См.: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974; Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. — В сб.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975; Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978; Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского дома (1750—1840-е годы).— В сб.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. 1977. Л., 1979.
[3] Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 281, ед. хр. 40, л. 70.
[4] Пушкинский дом, отд. поступл., № 4786, л. 4.
[5] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 208.
[6] Там же, л. 186.
[7] Старина и новизна, 1898, кн. II, с. 138—139.
[8] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, лл. 115—115 об.
[9] Вяземский П. А. Старая записная книжка. — Полн. собр. соч., т. VIII, с. 473.
[10] Жихарев С. П. Записки современника. М., 1955, с. 105.
[11] Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, с. 30—31.
[12] Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933, с. 142—143.

В последующем арзамасские протоколы цитируются по этому изданию.

[13] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 27 об.

[14] Северная пчела, 1834, № 112, 19 мая, с. 63.

[15] Старина и новизна, 1898, кн. II, с. 179.

[16] Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. III, с. 275.

[17] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5082, л. 89 об.

[18] Там же, лл. 94 об. — 95.

[19] Остафьевский архив князей Вяземских, т. 1, с. 189.

[20] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 168.

[21] Библиографические записки, т. II. М., 1859, с. 307.

Глава V. «МОЙ ДЯДЮШКА»

[1] Цит. по ст.: Благой Д. Д. Пушкин в неизданной переписке современников.— В кн.: Литературное наследство, т. 58, с. 89.

[2] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 179.

[3] Московский телеграф. Новый живописец общества и литературы № 10, мая 1830, с. 170—171.

[4] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр 2611, л. 181 об.

[5] Пушкинский дом, ф. 244, оп. № Род., № 46.

[6] Дамский журнал № 37, ч. XXXI, сентябрь 1830, с. 167.

[7] Пушкинский дом, ф 244, оп. 1, № 1757, л. 182.

[8] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, лл. 72—72 об., 32, 39, 45; ед. хр. 5082, л. 73.

[9] Цит по ст.: Благой Д. Д. Пушкин в неизданной переписке современников.— В кн.: Литературное наследство, т. 58, с. 35.

[10] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 63 об.

[11] Цит по кн.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, с. 179, 182.

[12] Там же, с. 230.

[13] Там же, с. 247.

[14] Цит по ст.: Благой Д. Д. Пушкин в неизданной переписке современников.— В кн.: Литературное наследство, т. 58, с. 35.

[15] ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5082, л. 74.

[16] Там же, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 74.

Приложение

[1] Печатается в лицейской редакции. Отрывок из послания «В. Л. Пушкину» был опубликован в «Полярной звезде» на 1824 г.

[2] Впервые издано отдельной книжкой в Москве в 1808 г. тиражом в 50 экземпляров. В рукописях А. С. Пушкина сохранилась об этом издании заметка 1836 г.

[3] Вяземский П. А. Стихотворения. М.—Л., 1962, с. 112—113. Стихотворение явилось откликом на «Послание к кн. Петру Андреевичу Вяземскому» В. Л. Пушкина, впервые напечатано в «Российском музеуме», 1815, № 3.

[4] Там же, с. 188—189.

[5] Жуковский В. А. Собр. соч. в 4-х т., т. I. М. — Л., 1959, с. 221—224. Впервые напечатано в «Российском музеуме», 1815, № 6.

[6] Там же, с. 224—225. Послания В. А. Жуковского явились откликом на «Послание к кн. Петру Андреевичу Вяземскому» В. Л. Пушкина и «Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину» П. А. Вяземского.

[7] Из письма К. Н. Батюшкова к В. Л. Пушкину, от первой половины марта 1817 г. Впервые напечатано в «Московском телеграфе», 1827, № 3.

[8] Там же. Впервые напечатано в «Московском телеграфе», 1827, № 3.

[9] Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957, с. 213. Из письма П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому от 6 января 1827 г.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Михайлова Н. И.

М69 «Парнасский мой отец». — М.: Сов. Россия, 1983. — 192 с., ил.

Книга посвящена Василию Львовичу Пушкину — известному стихотворцу начала XIX века, сыгравшему заметную роль в литературной борьбе того времени, старосте «Арзамаса», путешественнику, театралу, библиофилу.

В. Л. Пушкин, дядя А. С. Пушкина, оказал влияние на формирование великого русского поэта. Значительное внимание отводится рассказу о взаимоотношениях дяди и племянника, дружеским связям В. Л. Пушкина с Карамзиным, Жуковским, Батюшковым, Вяземским и другими русскими писателями, литературному быту Москвы пушкинской эпохи.

Книга основана на обширном историко-литературном, а также ранее не опубликованном архивном материале.

Рассчитана на широкий круг читателей.

8Р1

М $\frac{4603010102-041}{М-105(03)83}$ 68—83

Наталья Ивановна Михайлова

«ПАРНАССКИЙ МОЙ ОТЕЦ»

Редактор *М. Г. Пожидаева*
Художественный редактор *И. И. Рыбченко*
Технический редактор *Л. А. Фирсова*
Корректор *Н. Д. Бучарова*

ИБ № 2920.

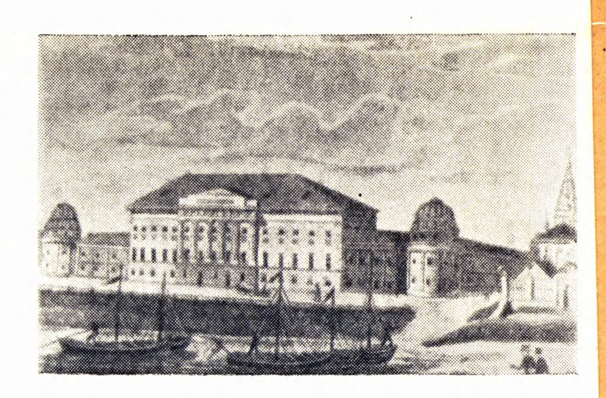
Сдано в наб. 18.02.83. Подп. в печать 28.11.83. А14916. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,76 Уч.-изд. л. 7,45. Тираж 100 000 экз. (2-ой завод 75 001-100 000 экз.) Заказ 465
Цена 45 к. Изд. инд. НА-133.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

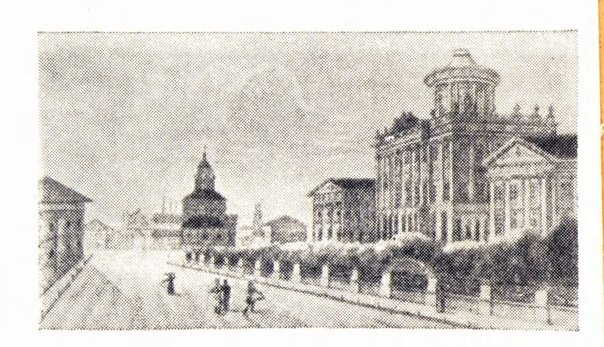
Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия»

Московский комиссариат.

Вид Пашкова дома на Моховой.

Вид Варварской улицы и часть Гостиного двора.

45 к.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ